

молдавские
народные
сказки

СКАЗКИ из одной связки

• РЕЧЬ •

молдавские
народные
сказки

СКАЗКИ из одной связки

• РЕЧЬ •

СЕРИЯ
«ДАР РЕЧИ»

СКАЗКИ ИЗ ОДНОЙ СВЯЗКИ

молдавские народные
сказки

Составитель и переводчик Ф. Миренер
Художник Н. Кочергин

Санкт-Петербург — Москва
2017

УДК 087.5
ББК 82.3(2)
С42

Текст печатается по изданию: Сказки из одной связки : молдавские народные сказки. Л. : Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1962.

Художник Николай Кочергин

С42 Сказки из одной связки : молдавские народные сказки / сост. и пер. Ф. Миренер ; худож. Н. Кочергин. — СПб. ; М. : Речь, 2017. — 144 с. : ил. — (Дар Речи).
ISBN 978-5-9268-2517-3

Подвиги храбрых героев, подсказки волшебных помощников, битвы с чудищами, спасение сказочных красавиц — водоворот опасных приключений захватывает нас с первых страниц этого сборника молдавских сказок. Но все трудности и опасности будут преодолены, потому что герои отважны и благородны, добро всегда побеждает зло, а справедливость должна быть восстановлена.

Книгу украшают классические иллюстрации Николая Кочергина.

© Ф. В. Миренер, наследники, составитель, перевод, 2017
© Н. В. Гессе, наследники, пересказ, 2017
© З. М. Задунайская, наследники, пересказ, 2017
© А. Любарская, наследники, пересказ, 2017
© Н. М. Кочергин, наследники, иллюстрации, 2017
© Издательство «Речь», 2017

ШПЕРЛЭ~УГОЛЁК

Расскажу я вам сказку про царевича Шперлэ. Вы, может, спросите, что за имя такое — Шперлэ. Так вот, знаете, я и сам удивился, когда это имя услышал. Так удивился, что побежал к бабушке, принялся, как вы, спрашивать: откуда у царевича имя такое — Шперлэ. Ну а бабушка посоветовала мне спросить у дедушки, он-де всё на свете знает. А уж если он не знает, то и никто не знает.

Дедушка взял святцы, надел очки в железной оправе и стал листать книгу. Сперва он прочёл про всех наисвятейших свя-

тых, потом про обыкновенных святых, а потом про таких, которые то ли святые, то ли не святые. Но во всех святцах не нашлось никого с таким именем — Шперлэ.

Дедушка снял очки, закрыл святцы, положил их на место, покачал головой и сказал:

— Хороши святцы, да лучше за них не братьяся, а своим умом добиваться. Шперлэ — что значит? Уголь. Да к тому ж потухший. Если уж царевича так прозвали, ни на что твой царевич, видно, не годен — только угли ворошить.

Сказал дедушка и замолчал, принялся набивать свою трубку.

И что вы думаете, ведь правду дедушка сказал. Царевич больше всего любил у печки сидеть да угли ворошить. За это и царь, и царица, и двое его старших братьев тоже, как дедушка, считали, что он никуда не годен.

Однако давайте рассказывать по порядку.

Было у того царя своё поле. Сеял он на нём каждую весну, как и мы сеем, когда есть где. А осенью собирал урожай, как и мы собираем, когда есть что. Только на наших крестьянских полях растёт обыкновенная пшеница с сорняками пополам, на царском же поле у пшеницы были золотые колосья, а в тех золотых колосьях наливались зёрна-самоцветы, да такие яркие, что глянешь — глаза слепит.

Хорошо жилось царю. Сытая скотина в хлеву даже мычать ленилась, закрома полны, да и денежки у царя водились про чёрный день — не нам, горемычным, чета. Словом, его счастье, что там говорить! Да вот ведь какое дело: счастье, словно осенняя погода, переменчиво. Глядь, от тебя укатилось, ко мне прикатилось, а нечто от меня ушло, к тебе перешло. Бывает, от двоих ускользнёт, к третьему привалит.

Проснулся однажды царь, выглянул в окно и закричал:

— Ох, ах! Как так! Вот так так! Батюшки! Караул!

Что же он такое в окно увидел? Вытоптано царское поле, золотые колосья переломаны, зёрна-самоцветы в землю втоптаны. Пропал урожай, да и только!

Призвали царских стражей. Но стражи затылки чешут да руками разводят — ничего они не видали, ничего не слышали.

Призвал царь трёх своих советников, стал с ними совет держать.

Один говорит:

— Если б ты, твоё царское величество, у меня раньше совета спросил! А то что ж теперь!

— Ну а если б я раньше спросил?

— Я б тогда сказал: не засевай ты это поле, бог с ним совсем. Нет ничего — и горевать не о чем.

Усмехнулся царь:

— Хороший ты дал совет, да я на тебе его сперва испробую. Отберу у тебя жалованное поле, что рядом с моим лежит. Вот и радуйся, что вышло по-твоему: нет ничего — и горевать не о чем.

Второй советник говорит:

— Задним умом всякий дурак крепок. А вперёд глядеть — острый ум да зоркий глаз надобен. Вот что: не засевай ты, царь, своё поле на будущий год. Беречь нечего — бояться нечего.

Услышал царь такой ответ — у третьего советника совета и спрашивать не стал. Отобрал у всех трёх жалованные им поля и выгнал вон.

А как пришла весна, засеял разом все четыре поля — одно своё да три советниковых.

Зреет золотая пшеница, а царь по дворцу ходит и охает: что как опять случится беда?! Ох, ох!

Ох-то ох, да и сам не будь плох. Надо поле стеречь. А кто за это возьмётся? Не я и не вы. У нас забот и без того хватает. Так кто же тогда? Ясное дело — старший сын.

Посылает царь на поле своего старшего сына и говорит:

— Нынче ночью ровно год исполнится, как случилась беда. Смотри, сынок, в оба глаза!

Старший царевич облачился, как на битву. Надел кольчугу, скованную из десяти тысяч булатных колечек, взял копьё, взял

лук, не забыл и колчан со стрелами. Нахлобучил шлем, опустил на лицо забрало. Вышли провожать царевича и царь, и царица, и все придворные. Поглядели ему вслед и залюбовались: что ни шаг — блеск и звон кругом. Как злому недругу не испугаться?!

А я гляжу, и смех меня разбирает. Всё у меня в голове старая поговорка вертится: «Не ходи с большим мешком к хвалёной яблоне!» Может, спросите вы меня, почему я тогда смеялся, так сказка вам всё расскажет.

Вот пошёл царевич на поле. Натаскал под куст мягкой травы, улёгся лицом вверх и ждёт. А пока от нечего делать звёзды считает. Только кончил счёт на северной половине неба, вдруг слышит рядом с собой: «Шур-шур, цыр-цыр!»

Вот он, погубитель царского урожая! Царевича так и затрясло от ярости. А может, от страха, кто знает! Так или не так, вскочил царевич, выхватил из колчана стрелу, наложил на лук, натянул тетиву — вот сейчас выстрелит. В кого же это он? Да в того, кого слышно: «Шур-шур, цыр-цыр».

Пригляделся царевич — а ночь выдалась лунная — и увидел он у своих ног маленького мышонка.

— Стой! — кричит царевич. — Я тебя убью!

— Мэй! — пищит мышонок. — За что меня убивать?

— Это ты всё отцовское поле вытоптал, — отвечает царевич.

Тэн-н! — и спустил тетиву. Пока стрела до земли долетела, мышонок уже в норке сидел.

Разгромил царевич врага, устал в жарком сражении и улёгся отдохнуть на мягкую траву. Шлем свой снял, рядом положил.

Поднялся тут ветерок-легковей, начал нежными пальцами царевичу кудри перебирать. Царевич и не заметил, как уснул.

Ночь миновала — проснулся царевич. Да лучше бы ему подольше глаз не открывать, потому что ничего хорошего он не увидел. Вытоптано поле, лишь поломанные стебли от богатого урожая остались.

Вернулся старший царевич во дворец. А там уже всё известно. Царица плачет, царь гневается.

Однако царевич спеси не сбавил.

— Другие бы, — говорит, — родители своим бы сыном гордились. Выстоял я против страшного чудища. Зубастое то чудище, ушастое, хвостатое, усатое.

— Протри глаза! — кричит ему царь. — Опять ведь всё поле вытоптано.

— Зато я вражье чудище так напугал, что оно глубоко в землю зарылось. На будущий год и нос высунуть побоится!

Осень прошла, зима пролетела. Весной царь в поле волшебное зерно посеял, а в сердце своём — тревогу. Зреет на поле урожай, а в царском сердце тревога растёт. Одна надежда на среднего сына, на второго царевича.

Снарядился второй царевич охранять посевы не хуже первого, отправился в поле... Э, да что там! Чтобы не морочить вам долго голову, скажу покороче: вышло со средним сыном всё точь-в-точь как со старшим.

Что царю делать? Он и на третий год засеял поле. И велел по всей стране объявить: тому, кто придумает, как уберечь урожай, царь пожалует десять золотых да ношеное царское платье.

Один пришёл, другой пришёл... Но, как услышат истории, что царевичи рассказывают, повернутся спиной, только их и видели.

Пошёл и я к царю. Почему бы десять золотых не заработать?!

— Ваше величество, — говорю, — не послушаешь ли ты моего совета?

— Говори, — отвечает царь.

— У нас в Молдавии так делают. Сушь ли большая посев на корню сожжёт, град ли незрелые колосья выбьет, мы тогда не ждём, а скашиваем поле раньше времени, хоть на корм скотине. Почему бы и тебе не скосить — всё же с соломой останешься.

— Это всё, что ты хотел сказать?

— Всё.

— А жена у тебя есть?

— Есть.

— А дети есть?

— Трое сыновей да две дочки.

— Ну, раз так, — говорит царь, — счастливого тебе пути. Передай поклон твоей жене, и сыновьям, и дочерям, и соседям, и вашему господарю, если доведётся тебе с ним повидаться.

Так десять золотых мимо моего кармана прозвенели. А о царском платье я и не жалел. На что в крестьянском хозяйстве царское облачение?

Обошлось, однако, и без меня дело.

Как раз накануне памятной ночи приходит к царю его меньшой, нелюбимый сын, которого и царевичем во дворце никто не считал. Словом, вы, конечно, поняли, о ком идёт речь, — это Шперлэ пришёл к своему отцу.

— Сегодня мой черёд сторожить поле, — говорит он.

— Твое дело печку сторожить, — сказал царь.

— Печка печкой, а поле полем, — ответил Шперлэ.

И, только стемнело, отправился на поле. Сел под кустом, смотрит да слушает. Вот слышит: «Шур-шур, цыр-цыр». Присмотрелся — мышонок! Достал Шперлэ из кармана несколько крошек от кукурузной лепёшки и протянул на ладони:

— На, малыш, подкрепишь немножко.

Мышонок поглядел с опаской на Шперлэ, потом свернул хвост бубликом и влез к царевичу на ладонь:

— Добрый вечер!

— Вечер добрый! Угощайся.

Принялся мышонок угощаться. Съел три крошки — наелся до отвала. Тогда Шперлэ сложил ладонь ковшиком и налил в неё из оплетённой соломой бутылки три капли вина. Ночь — то долгая, а Шперлэ — парень запасливый. Говорят: кто спит, тот обедает. Ну а если ночь не спать — значит, надо лишний раз пообедать. Вот Шперлэ и прихватил с собой и еды и питья.

Мышонок — хлюп-хлюп — и выпил все три капли вина. Наелся, напился. Теперь-то Шперлэ его и спросил:

— Ты маленький, а большую службу сослужить можешь. Скажи, как мне отцовское поле усторожить?

— Усторожить. — дело не хитрое, хитрее не заснуть, когда спать хочется. Не тех бойся, кто копытом землю бьёт, а того, кто на цыпочках приходит да нежно по лицу гладит.

Сказал так мышонок, облизнулся, усы лапкой разгладил и юркнул в норку.

Почесал Шперлэ затылок — не много он понял, одно только крепко запало в голову: нельзя ему спать в эту ночь, и всё тут.

Пошёл Шперлэ к меже, наломал вязку чертополоху. Пошёл к другой меже, нарвал охалку крапивы. И опять под куст. Кафтан скинул, рубаху сбросил, налево чертополох положил, направо — крапиву.

Близко к полночи прилетел ветерок-легковей. словно ласковая нянька, Шперлэ по лицу погладил: «Спи, сынок, спи!»

Сомкнулись глаза у царевича, наклонился он на правый бок да как взвьётся! Это крапива его обстрекала.

Отлетел ветерок-легковей, покружился, вернулся и опять своё нашёптывает: «Спи, Шперлэ, спи!»

Сморил сон царевича, повалился он на левый бок. А чертополох как вопьётся в него всеми колючками — сна у Шперлэ словно и не бывало.

Тут и полночь наступила.

Луна на небе сияет, в золотых колосьях мерцают огоньками драгоценные самоцветы. И вдруг темно стало, будто месяц облаком прикрылся. Смотрит Шперлэ — не облако это: двенадцать крылатых белых кобылиц с неба спускаются, и вожак у них — конь огненной масти. Вот уже весь табун серебряными копытами края поля коснулся.

Так вот кто царский урожай губит!

Вскочил Шперлэ — хватить жоака за узду. Захрапел конь, огонь из ноздрей его пышет. Рванулся в сторону, да не тут-то было! Шперлэ крепко упёрся ногами в землю, не пускает коня.

Конь взмолился:

— Отпусти меня, царский сын!

— Как же я тебя отпущу? — отвечает Шперлэ. — Твой косяк опять отцово поле вытопчет. Спутаю я тебе сейчас ноги моим поясом да поведу на конюшню. А табун твой сам за тобой пойдёт. Вы, крылатые, быстро бегаєте, а мой отец любит лихую езду.

Заржал конь жалобно, словно заплакал, молит царевича:

— Отпусти! Никогда мы больше на ваше поле прилетать не будем. Да и я тебе могу ещё пригодиться. Сними с меня узду. Понадоблюсь — ты только уздой тряхни, и я мигом пред тобой явлюсь.

Пожалел Шперлэ коня, отпустил его. Конь потрянул головой и сбросил к ногам царевича узду.

Опять луна затмилась. Это табун волшебных коней улетап в неведомые края.

Улетел табун.

Ярко светит луна посреди неба, сверкают и переливаются на поле зёрна-самоцветы, тихо звенят золотые колосья. Пусто всё кругом. Будто сон царевичу приснился. Только волшебная узда у ног его лежит.

Подобрал Шперлэ подарок, положил за пазуху и — домой, во дворец. И сразу же к своей любимой печке. Помешал угли, увидел, что жару ещё много, и завалился на печку спать. Тепло ему, хорошо. Заснул Шперлэ молодецким сном. Рассказал бы я вам, что ему снилось, да мне самому в ту ночь такое привиделось, что у меня оба сна перемешались. Начну рассказывать — перепутаю, а врать я с малолетства не приучен.

Спит Шперлэ на печке, а царь и царица вокруг печки ходят, сон его берегут.

Наконец солнце за полдень перевалило. Тут Шперлэ проснулся.

Посадил его царь за стол на почётное место, по правую руку от себя. Все его угощают, хвалят, а Шперлэ слушает похвалы, ест да посмеивается.

Старшие царевичи спрашивают:

— Скажи, братец, победил ли ты то чудище, с которым и мы бились?

— А какое оно из себя? — спрашивает Шперлэ.

— Зубастое, ушастое, хвостатое, усатое!

— Да ведь это мышонок, — сказал простодушный Шперлэ. — Зачем его побеждать? Мы с ним подружились.

Поднялся тут смех за столом. Смеётся царь, смеётся царица, хохочут придворные. Услыхала стража у дворца, что старшие царевичи серого мышонка за чудище приняли, и ну гоготать. Часа не прошло, как все в государстве руками за животы хватались от смеха. Я тогда тоже с хохоту чуть не помер.

Ничего не оставалось царевичам, как бежать от насмешек куда глаза глядят. Они и сбежали — один в западную сторону, другой в восточную. Да, слышно, и там неплохо герои зажили. Один женился на западной царевне, другой на восточной. Царевны - то и вправду поверили, что их женихи страшное чудище победили.

А что же Шперлэ? Да что Шперлэ! Жил себе, поживал, угли в печке мешал да на той печке и спал, пока не случилось вот что.

Стала прилетать в царский сад прекрасная птица с золотыми перьями. Чуть стемнеет, она уже сидит на ветке, поёт дивным голосом песни, одна другой лучше. До рассвета поёт, а там взмахнёт крыльями и улетит.

В первую ночь, как птица запела, Шперлэ на своей печке больше с боку на бок ворочался, чем спал. На вторую ночь и вовсе глаз не сомкнул. А на третью ночь даже не ложился.

Раскрыл Шперлэ кованные сундуки, надел самую лучшую одежду, кудри расчесал. Поглядели бы вы — ахнули, таким красавцем Шперлэ оказался!

Вышел он в сад, а там светло как днём. Это от перьев птицы сияние идёт.

Шперлэ подкрался к дереву, только протянул руку, чтобы схватить птицу, а она взмахнула крыльями и улетела. Шперлэ

за ней. Перелетела птица через ограду сада, и Шперлэ ограду одним прыжком перемахнул.

Летит птица ни высоко ни низко, ни медленно ни быстро — ровно так, чтобы Шперлэ не отстал, да и догнать не смог.

Бежал-бежал Шперлэ и вспомнил про подарок крылатого коня. Выхватил из-за пазухи узду, потряхнул. Тут и ударил перед ним копытом крылатый конь огненной масти. Шперлэ мигом вскочил ему на спину, и помчались они.

Теперь уж и птица замахала крыльями что было силы. Да разве уйдёшь от волшебного коня! Вскоре поравнялись они. Вот-вот схватит Шперлэ птицу. Но птица взвилась высоко в небо.

Только и конь от неё не отстал, недаром он был крылатым. Махнул раз крыльями — выше птицы взлетел. А Шперлэ перегнулся со спины коня, хват — и птица у него в руках.

Прижал он свою добычу к груди, смотрит — не птица это вовсе, а девушка. Да такая красавица, что во всём мире равной не сыскать. Не на солнце глядя, а на неё глядя, можно было ослепнуть.

Но наш молодец Шперлэ не боялся ослепнуть, всё на неё смотрел, глаз не отводил.

Вот крылатый конь примчал царевича назад ко дворцу. Соскочил Шперлэ с коня и сказал ему:

— Спасибо тебе, сослужил ты мне службу. Теперь мы с тобой по квитались. Возьми свою узду, мне от тебя больше ничего не надо. Самое великое в мире сокровище ты мне помог добыть, а остального я и сам добыюсь.

Конь радостно заржал и наклонил голову.

Надел Шперлэ на него узду, похлопал по шее. Опять взмахнул крыльями конь, мигом скрылся в облаках, только его и видели.

А Шперлэ стоит на крыльце, за руку красавицу держит. Не стал он спрашивать, откуда она, какого рода да много ли у неё приданого. Наш Шперлэ совсем другой вопрос ей задал:

— Хочешь за меня замуж выйти? — спросил он.

— Хочу, — ответила красавица.

— Тогда пойдём к отцу и матери благословения просить, — говорит Шперлэ.

Словом, чтобы не долго рассказывать, скажу, что свадьба удалась на славу. Трое скрипачей да один дудочник весь день и всю ночь без отдыха играли. Старый царь не знал с кем и плясать: то ли со своей царицей, то ли с красавицей невесткой.

Вы спросите, откуда я это знаю. Да ведь я сам на той свадьбе пировал. Уж вы поверьте, так всё оно и было, потому что если бы я сам не видал, то и рассказывать бы не стал. А врать я сызмальства не приучен!

МАТЬ СТЕФАНА

Много лет прошло с тех пор, как Молдавией правил господарь Стефан Великий. А рассказывают о нём и по сей день. И я вам расскажу, что сам знаю, что от своего деда слышал.

Было у Стефана храброе войско. Не для спеси, не для похвальбы держал то войско Стефан. Времена были беспокойные. Крепко приходилось оберегать границы родного края от набегов злых турок.

Не рыцари, закованные в латы, не князья и не графы в шелках и бархате служили в войске Стефана, а простые крестьяне. Ну а раз крестьяне, так кроме войны у них и другое дело было: поля пахать, хлеб сеять, да косить, да молотить.

Вот однажды в страдную летнюю пору Стефан отпустил своих воинов по домам — убирать хлеб с полей. То ли проводили об этом турки, то ли нет, только двинулись они на Молдавию, истребляя всё на своём пути, словно жадная саранча. И так много было турок, что широкие долины Молдовы и Бистрицы не могли вместить их.

Стефан послал гонцов на юг и на север, на запад и восток Молдавии. Велел так сказать: пусть крестьяне бросают хлеб на полях недожатым, зерно необмолоченным. Пусть берут копья и мечи и спешат на битву с врагом.

А сам Стефан с сотней добрых молодцов вышел туркам навстречу и принял бой. Только не устоять им было. Брось горсть песка в полноводную реку — не остановится её течение, не замедлится. Так и Стефану со своей горсткой воинов не остановиться было полчища турок. Ранило Стефана. Дрогнули защитники Молдавии, рассыпались кто куда.

Бежал и Стефан. Добрался поздней ночью до Нямецкой крепости, где за зубчатыми стенами укрывались его мать и жена. Рукояткой меча застучал в ворота, стал звать жену:

Отвори, жена, ворота несчастному мужу.
Дуют ветры лютые, нагоняют стужу!
Кровь течёт из раны, войско перебито,
Родная Молдавия позором покрыта.
Чуть не в каждой хате заплачут сироты...
Домница*, домница, отвори ворота!
Если тебе доброе обо мне припомнится,
Отвори ворота!

Домница!

Домница!

Женщины услышали стук у ворот, услышали голос.

— Это Стефан! — закричала жена. — Пойду открою ему.

---

* Домница — жена молдавского господаря.

— Нет, не твой это муж, не мой сын. Стефан далеко отсюда. Бьётся с врагами.

Стефан услышал слова матери, снова постучал в ворота и крикнул:

— Отвори, мать. Я ранен. Дай мне укрыться в зámке.

Мать ответила:

— Я не впускаю тебя. Ты не мой сын. Но, если бы, на горе мне, ты и вправду был моим сыном, я бы сказала так: войско твоё разбито — собери его снова. Храбростью или хитростью победи врага. А погибнешь — я буду гордиться тобой и могилу твою украшу цветами. Иди, мой сын!

Молодая жена Стефана заплакала.

— Матушка, — стала просить она, — позволь отворить ворота. Я люблю его.

— Замолчи, неразумная, — ответила старая женщина. — Я люблю Стефана не меньше, чем ты.

А Стефан стянул рану платком и направился в горы, где на тучных пастбищах пасли стада чабаны.

«Храбростью или хитростью победи врага!» — повторял он про себя слова матери.

Собрал Стефан пастухов и велел им согнать вместе все стада. Потом взял бучум — чабанскую трубу, — приложил к губам и затрубил, сколько дыхания хватило.

Гроном отдалось эхо в горах. И каждый чабан затрубил в ответ в свой бучум. Словно сотни боевых труб запели в ночи.

— Э-гей! — закричал Стефан.

И по его знаку чабаны погнали вниз, в долину, стада. Овцы звенели колокольчиками, громко блеяли, коровы мычали, кони ржали... Люди, подгоняя их, кричали и трубили в бучумы. Будто лавина катилась с гор.

А у подножия гор разбили свой лагерь турки. С вечера ещё, отпраздновав лёгкую победу, они спокойно улеглись спать. Как вдруг в предрассветной темени услышали гул и конское ржание,

и звуки труб, и крики людей. Показалось им, что идёт на них несметное войско.

Вскочили турки, заметались по долине, начали поспешно отступать.

А Стефан тем временем сел на коня и обходной тропой поскакал в другой конец долины, где собралось его войско.

Так и вышло — турки бежали от стад, а встретились с настоящим войском.

Многих своих янычаров недосчитался потом турецкий султан — одни полегли в долине, другие попали в плен. А кто из турок ушёл живым, тот детям и внукам своим рассказывал, какие грозные войска были в той битве у Стефана.

Победителем вернулся Стефан в Нямецкую крепость. И мать Стефана встретила сына почестями, как подобает встречать победителя.

Стефан же поклонился матери в ноги и сказал:

— Спасибо тебе, мать! Если бы не твой суровый совет, не праздновала бы сегодня победу родная Молдавия.

СТЕФАН И СТАРЫЙ ВОИН

Немало рассказов ходит в нашем краю про господаря Стефана Великого. Оно и немудрено — Стефан был храбрый воин, славный полководец. Да ведь не один он от турок и татар родную Молдавию оборонял. Как говорится: одна головня и в печи не тлеет, куча поленьев и под дождём в поле горит. Неужто о его соратниках доброго слова не услышишь? Так нет же, хранит людская память и другие имена. Обо всех не расскажешь, так хоть про старого Бурчела послушайте.

Поехал Стефан в Васлуй на праздник. Впереди скачут знаменосцы, везут притороченные к ноге знамёна — и свои,

победные, и те, что у врага в бою отбиты. Свита с ним богатая, молодец к молодцу. Скачут, коней торопят, с конских боков пена падает.

В Васлуе уже праздник в разгаре. Гудят колокола Васлуйского храма, зазывают старух. А молодым на площади веселье. И музыка, и танцы, и песни! Любят в Молдавии повеселиться.

Вот въехал Стефан на площадь, и разом затихли все, поклонами господаря встречают. Тут в тишине услышал Стефан — да и все другие услышали — издали крик, будто стон:

Цоб-цабэ, однорогий!
Налегай в ярме сильнее,
Борозду веи ровнее.
Цоб-цабэ! Цоб-цабэ!

Удивился Стефан, разгневался. Кто же это с народом праздник не празднует?! Послал он пятерых своих слуг разыскать и привести того человека.

Недолго и искали. Стоит за Васлуем высокий курган, а на склоне кургана пашет на однорогом воле однорукий человек. Грудью на соху налегает и кричит протяжно: «Цоб-цабэ!»

Окликнули его слуги, передали наказ Стефана. Пахарь остановил вола, пот со лба рукавом утёр и пошёл за ними.

Идёт человек, двое всадников справа едут, двое — слева, пятый сзади. Будто пойманного разбойника ведут.

Подошли близко к Стефану. Пахарь шапку снял, поздоровался с господарем.

Стефан ему говорит:

— Почему ты с людьми не веселишься? Кругом песни поют, ты вола погоняешь. А ведь, кто в праздник людей чурается, тот, верно, тяжкую для народа годину в своей хате, как мышь в норе, пересидит. Скажи без боязни, так я говорю или не так?

— Ох, Стефан-господарь, — отвечает пахарь, — мне бояться нечего. Бурчел никогда боязливым не слыл. Не так ты говоришь, не те слова. Ходил я под твоим началом в битву

с турками не однажды, не дважды, а не упомяну сколько раз. Да видишь какая незадача вышла — как была битва в Белой долине, что недалеко от Нямецкой крепости, потерял я булаву. Ни за что бы я её из руки не выпустил, да налетел сзади турок и отрубил руку с булавой вместе. Вот и живу с тех пор — ни двора ни кола, ни земли ни вола. А есть-пить надо. Приглядел я курган. Никто на нём не пашет, не сеет. Дай, думаю, возьму себе эту землю. И, поверишь ли, господарь, год хожу по домам, вола хоть на день выпрашиваю. Где много волов — не дают, где мало — самим нужны. Наконец дал мне один добрый человек своего однорогого в праздник. Так и получается: в тяжкую годину Бурчел от людей не отставал, а в весёлый час недосуг ему с ними радоваться!..

Тут заговорил Стефан-господарь:

— Прости меня на неразумном слове, храбрый Бурчел. Дарю я тебе три пары волов, да курган, да землю вокруг кургана на триста шагов. Паши в будни сколько силы хватит, а сегодня, прошу тебя, с нами веселись. И ещё скажу тебе: как был ты воином, так воином и оставайся. Поставь свой дом на верху кургана, с него во все четыре стороны далеко видно. Неси дозорную службу: как завидишь вражескую рать, разожги дымный костёр. Мы дым увидим, станем стеной на защиту родного края.

Поклонился Бурчел Стефану-господарю. И Стефан-господарь старому воину поклонился. Потом махнул рукой. За свистели дудки, заиграли скрипки, забили барабаны. Пошло веселье веселее прежнего. А больше всех веселился старый Бурчел — пахарь и воин.

СТАРАЯ СОБАКА

Служила собака своему хозяину чабану. Хорошо служила, верно. Чабан отару обходит, она впереди бежит. Чабан отару на новое пастбище перегоняет, собака носится между овцами, следит, чтобы ни одна не отбилась. Ляжет чабан спать, собака глаз не сомкнёт. Мало ли что! Волк подкрадётся, медведь может овец распугать, или недобрый человек на чужое польстится.

Не год, не два охраняла она стадо. Стал чабан примечать — нет той резвости в ногах у собаки, что раньше была. Вроде бы и чутьё ей уже изменяет. А чабан был хозяин хороший, осмотрительный.

Вот он и подумал: «Скоро пёс мой совсем состарится. Чабану без собаки и дня не прожить. Возьму щенка, пусть около старого приучается».

Присмотрел он щенка побойчее и взял к стаду.

Стала старая собака щенка к делу приучать. Не позволяет попусту лаять, будит его, если он поздно спит. А щенку это не нравится. Ещё того хуже, когда до еды дойдёт. Чабан справедливый человек: начнёт собак кормить — одной кость, другой кость, одной миску похлёбки и другой миску похлёбки. Лепёшку пополам разломит, обеим бросит. А щенок был жаден, как все щенки. Всё ему кажется, что хозяин старой собаке больше дал.

Станут похлёбку есть, щенок не жуёт, вкуса не чувствует — мигом проглотит всё, что в миске. А у старой собаки ещё и полмиски не съедено. Разбирает щенка зависть. Примется он скулить и подвывать, да так жалобно, что ушам больно слушать. Хозяин и вправду думает, что старая собака обижает щенка, отбирает у него еду.

Овцы старого пса, своего сторожа, знают, привыкли слушаться. Он с ними легко управляется, не то что лаять — и рычать не приходится. А молодой носится вокруг отары, как ошалелый, до хрипоты лает.

Сидит чабан в сторонке и думает: «Старый-то пёс совсем обленился, только молодого и слышно!»

И стал он щенка получше кормить, старого пса похуже. Молодого иной раз приласкает, за ухом почешет, по голове потреплет. А на старого прикрикнет, замахнётся, бывает и ударит.

От обиды и от плохой еды захирел пёс. Отощал, шерсть у него лезет, клочьями висит, глаза скучные.

А однажды вот что случилось.

Большая гроза была. Гром так гремел, будто небо пополам раскалывалось. Испугались овцы грозы, шарахнулись и понеслись не разбирая куда. Того и гляди какая-нибудь с обрыва в овраг свалится, ногу сломает или так далеко забежит, что и дороги назад не найдёт.

Старая собака своё дело знает. Припустила она за отарой, только лапы мелькают. Откуда и силы-то взялись! Щенок за ней еле поспевает.

Догнала собака овец, да ещё вперёд забежала, дорогу им заступила. Опомнились овцы, остановились, дрожат. Однако не разбегаются. Верный сторож с ними — значит, бояться нечего.

Тут и чабан прибежал.

Видит — старый пёс лежит, язык свесил. А щенок носится вокруг отары, лает, надрывается. Ну чабан и подумал, что это щенок беде помог.

— Молодец! — похвалил щенка чабан.

А старому псу сказал:

— Дармоед! Лежебока!

Обиделась собака. Свесила голову и побрела прочь. Так, не оглядываясь, в глушь леса зашла. В лесу, на берегу ручейка стоит избушка. Кто её поставил, кто жил, куда делся — никому не ведомо. Может, кто и знает, да только не мы и не собака.

Стал пёс жить в избушке. Крыша над головой — это хорошо, а вот есть нечего — это плохо. Собака ягод поела, грибов погрызла, да разве этим сыт будешь?! Однако жить можно. Только скучно собаке без дела, ведь она весь век вокруг отары пробегала.

Сидит как-то собака у окна, видит — волк идёт. Как раз мимо избушки волчья дорога пролегала.

Удивился волк:

— Мэй, столько лет в доме никого не было, а тут вдруг хозяин появился. Ты кто такой?

— Я? — говорит собака. — Я сапожник. Всё, что на ноги надевают, могу сделать. Постолы* смастерю — век не износить. Сапоги стачаю — хочешь со скрипом, хочешь без скрипа.

Обрадовался волк:

---

* *Постолы* — грубая обувь из целого куска кожи.

— Это как раз то, что мне нужно. Давно я мечтаю сапоги себе завести. По лесу ходить босыми лапами колко. Оно, конечно, не такая уж беда — дело привычное. А то важно, что ни у кого в лесу сапог нет. Если б увидели меня в сапогах, позабавовали бы! Не возьмёшься ли, сапожник, мне сапоги сшить?

— Сшить-то нетрудно, — отвечает собака. — Да сапожного товару у меня нету.

— А что тебе нужно? — спрашивает волк.

— Смотря какие сапоги! — говорит собака. — Неважные я хоть из лыка* изготовлю либо из берёсты.

— Ну нет, — сказал волк. — Мне хорошие сапоги надобны, чтобы всё как у людей было.

— Это дело непростое, если как у людей, — покачала головой собака. — Перво-наперво подавай мне телячью шкуру на подметки. На головки пойдёт свиная кожа. На голенища — пороссячьа. А чтобы тёплые были сапоги, внутри их лучше всего гусиным пухом устелить.

— Ладно, — говорит волк, — у меня зубы острые, волчьи. Раздобуду я тебе шкуры.

— Что ты! — замахал лапой пёс. — Да ты своими зубищами шкуры испортишь. Ты мне целого телёнка притащи, я сам его обдеру, сам шкуру выделаю.

— Идёт, — сказал волк. — Ударим по лапам.

— Ударим! — сказал пёс. — Будут тебе сапоги.

На следующий день притащил волк телёнка.

Собака говорит:

— С телячьей шкурой возни не оберёшься. Пока то, пока сё, неделя пройдёт. Так ты свинью на головки приноси через неделю, не раньше.

Волк пошёл по своим вольчим делам.

А пёс принялся телёнка разделывать. Отгрызёт кусок — съест. Побежит к ручью — воды полакает. И спать ляжет. По-

---

* Лыко — внутренняя часть коры молодых деревьев.

том опять телятинки поест, воды напьётся. Ровно на неделю хватило ему телёнка.

Тут как раз волк притащил свинью. Жирную серый где-то зарезал, большую.

— Годится такая на головки? — спрашивает волк пса.

— Лучшей и не найти, — отвечает пёс.

Свиньи на пять дней псу хватило. А там волк на голенища двух поросят приволок.

Не успел пёс поросят доест, волк ему четырёх гусей несёт. За всю свою жизнь пёс столько мяса не съел. Сделался он гладкий, шерсть отросла блестящая, шелковистая. По всем жилам сила так и переливается. Силён был пёс смолodu, а сейчас вдвое сильнее стал.

Подошёл срок, волк за сапогами явился:

— Подавай сапоги!

— Какие тебе сапоги? — удивляется пёс.

— Да ведь ты сапожник, — говорит волк.

— Отродясь сапожником не бывал, — отвечает пёс. — Я старый солдат, с вашей волчьей породой воюю!

Зарычал волк, бросился на пса.

И пёс зарычал, на волка бросился.

От первого же укуса взвыл волк не своим голосом. Хоть и не свой голос, а всё же волчий.

Услышали его вой серые побратимы, прибежали на помощь.

Поднялась тут великая драка. Шерсть клочьями во все стороны летит. Гул пошёл по лесу. Деревья от страха вниз клонятся, а трава, та совсем к земле прилегла.

Пёс с волками расправляется, как повар с картошкой. Направо куснёт — волчье ухо откусит. Налево повернётся — kloк серого бока вырвет. Махнёт лапой — волчий глаз вышибет.

На шум той битвы прибежал сам волчий царь.

— Мэй, зубастые, клыкастые! — закричал он. — Остановитесь!

Утихла битва. По одну сторону пёс стоит, скалит зубы. По другую сторону волки вокруг царя сбились.

Говорит волчий царь своим подданным:

— Что вы, безумцы, делаете?! Зачем с таким силачом связываетесь? Или хотите, чтобы во всём лесу наш род перевёлся? Не драться с ним надобно, а умиловить. Я сам с ним потолкую.

Сделал волчий царь три шага к собаке, поодаль остановился и заговорил:

— Великий воитель, не угодно ли тебе будет из нашего леса убраться? А мы на прощание тебе какой хочешь подарок сделаем.

— Так и быть, — сказал пёс. — Пусть твои разбойники добудут мне двух живых овец из отары, что на угорке над рекой траву жуёт.

Волчий царь с облегчением вздохнул. А за ним и все волки вздохнули.

— Это дело нам в полдела! Мигом доставим.

Вышли четверо самых рослых, самых зубастых и припустили к отаре.

И пёс не стал времени терять. Побежал обходом к угорке над рекой, к тому месту, где его хозяин овец пас.

Как раз вовремя поспел: вылетели из леска четыре серых разбойника, врезались в отару. Увидел их щенок, завизжал, поджал хвост и наутёк бросился.

И чабан растерялся. Кричит, машет посохом. Да что посох против четырёх волков!

Вскинули два волка двух овец через загривок на плечо, потрусили назад к лесу. А два других волка по бокам бегут, охрану держат.

Тут и выскочил из-за кустика старый пёс. Мимо хозяина пробежал — погляди, мол, на меня! Помчался волкам наперез, стал перед ними.

Увидели его волки, обрадовались, что не надо далеко тяжёлую ношу тащить. Бросили к его ногам овец и пустились к себе домой, в тёмный лес.

Примяты овцы волчьими зубами, а всё-таки живы. Стоят, оглядываются, блеют жалобно.

— Чего, дуры, дрожите? — говорит пёс. — Идите к отаре.

Уж как чабан своего старого верного пса благодарил, какими ласковыми кличками его не называл!

А молодому псу крепко досталось. Чабан его и за уши оттрепал, и посохом по бокам огладил. Бьёт и приговаривает:

— Учись, дурень, у старших, как работать надо!

С тех пор старый пёс в почёте и уважении жил. И, даже когда совсем одряхлел, попрека никогда от своего хозяина не слышал.

А молодой пёс у старого учился - учился и к делу приучился.

ГОРДАЯ ЦАРЕВНА

Давно-давно это случилось — ещё в те времена, когда столетние дубы были раскидисты и могучи, словно былинки в поле, а горы высоки, как кочки на болоте; когда волки овец пасли, а куры в поднебесье летали. Может, тогда это случилось, может, чуть пораньше или чуть попозже, а может, и вовсе такого не бывало.

Так или не так, только жили царь и царица. И было у них, как водится, полно всякого добра. Нам бы этого добра хоть десятую долю, хоть сотую!

А если пораздуматься, так нечего нам тому царю и той царице завидовать. Потому что добро наживётся и проживётся,

а доброе имя в детях остаётся. А вот детей-то как раз у царя и царицы не было. Горевали они, горевали, уже и стареть начали.

Однажды царь, чтобы утешить царицу, устроил пир на весь мир. Не хотел он никого обижать — звал всех подряд. Позовёт хозяина, и жену его пригласит, и всех чад и домочадцев.

Многое множество гостей собралось на пир, а ещё больше привели они с собой детей.

И вышло так, что пир для царицы не весельем, а печалью обернулся. Поглядит она на малого младенца — к груди его прижать хочет. На девчонку или мальчишку, что сладкими пряниками лакомятся, посмотрит — так и тянется рука по головке беленькой погладить.

Ходит царица меж гостей, вином обносит. На губах её приветная улыбка, а глаза слезами полны.

Поднесла она кубок старой-престаренькой старушке. Тут слеза на реснице её не удержалась, в кубок скатилась.

Выпила старушка вино со светлой царицыной слезой и сказала:

— Сверху вино твоё горькое, на доньшке сладкое. Жди, царица, исполнится твоё заветное желание.

Верно, та старушка только с виду была проста. Откуда она явилась, из какого краю приковыляла, ни гостям на царском пиру, ни нам с вами не известно. Никто её после не видывал, никому она больше не повстречалась. А у царицы ровно через год родилась дочка.

Царь и царица, да и все во дворце нарадоваться на неё не могли.

Только вот не всегда ведомо человеку, чему радоваться, а чего лучше бы и вовсе не знать!

Росла царская дочь, что грибок в тёплый день после дождика. Присмотреться повнимательнее — увидишь: растёт царевна! Сколько другой ребёнок за год вытянется, столько она за день догонит. И такой красоты стала, что само солнце останав-

ливалось в зените, чтобы полюбоваться царевной. Потому что, хоть весь мир обойди, такой дивной красоты не сыщешь. Лицом бела, словно цветок ландыша, губы у неё алые, что роза в саду, глаза синие, как лепесток цикория, а косы... Цветка такого не подберёшь! Косы сверкали, будто золотая пряжа.

А уж одевали её! Платье лёгкое, как ветерок, блестящее, как лунная дорога на море. Наших бы девок так приодеть! Они бы, может... Ну не совсем такие, чуть похуже бы были — не в холе ведь растут, — а всё-таки от женихов бы отбою не знали.

И у царевны от женихов отбою не было. Чуть подросла она, молва о её красе прошла по ближним и дальним государствам. И со всех концов света, через высокие горы и широкие долины, через десять морей, через сто лесов съезжались свататься к ней самые знатные женихи, всякие царевичи и королевичи.

Только царевна и глянуть-то ни на кого из них не хотела, ровно лилия, что не склонит свой гордый цвет к простой траве.

Больше всего любила царевна гулять по саду или по широкому полю да глядеть на солнце. Катится солнце по небу, одно весь мир освещает, одно весь мир пригревает, равного ему нету. Но такова была гордыня царевны, что приравняла она свою красоту к сиянию солнца. И решила — мыслимое ли это дело! — за солнце замуж выйти.

Вот однажды идёт она к царице, матушке своей, и говорит:

— Прогони всех женихов. Хочу женой солнца стать. Посватай меня за него.

Царица руками всплеснула. Царь прибежал, узнал про царевнину затею, принялся её уговаривать. Плакали отец с матерью и ласками и угрозами пытались выбить у дочки дурь из головы.

Но царевна ничего и слышать не хотела.

Прошло малое время. Царевна как задумала, так и сделала.

Встала на рассвете, вышла в поле, к востоку обернулась. Вот краешек солнца из-за дальнего леса показался, первый то-

ненький лучик к земле протянулся. Подобрала царица подол длинного платья и пустилась бежать по тому лучику всё выше и выше.

Добежала до неба, с облачка на облачко перепрыгивает, об отце с матерью не вспоминает. Целый день шла царица. Уже ночь спустилась, когда добралась она до дворца солнца.

Подняла свою белую руку царица, постучала в ворота. Открыла ей не служанка, не нянька, а сама мать солнца. Стала мать солнца спрашивать:

— Откуда ты, девушка? Зачем пришла?

Царица говорит:

— Почему меня мой жених не встречает?

— А кто твой жених? — спрашивает мать солнца.

— Одно только солнце и достойно моей красоты, — отвечает царица. — Солнце мой жених.

— Спит солнце, девушка, утомилось оно за день, всех прогревая. Расскажи мне лучше, сама ли ты пришла или отец с матерью тебя послали?

Засмеялась царица:

— Отца с матерью я обманула, убежала тайком от них. Зачем они мне! Хочу вдвоём с солнцем жить, чтобы мой жених ни на кого не глядел, только на меня любовался.

Разгневалась мать солнца:

— Нехороши твои речи, девушка. Тяжко ты провинилась. Первая твоя вина, что ты захотела стать краше всей земли. Задумала у всех свет и тепло отнять. Никогда не бывает этому! Вторая твоя вина, что ты своих родителей обманула. Они тебя растили, а ты их старость не пожалела. Никогда не полюбится горячему солнцу твоё холодное сердце. Так лети же на землю, как я тебе велю!

И заклала мать солнца царицу до вечным заклятием. Превратила её в птицу жаворонка. Едва завидит жаворонок солнце, с песней взвивается вверх, стремится всё выше и выше. Толь-

ко не достичь жаворонку солнца. Стрелой, что излетала свою силу, падает он на землю. И снова взлетает — и снова падает.

Вот и всё.

Зачем эта сказка сложена, в чём её загадка, — разбирайтесь сами. А мы своё дело сделали — рассказали, что от людей слышали.

ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Жил в одной деревне парень. Отцу и матери не довелось порадоваться на сына: рано они руки на груди сложили. Пришлось парню самому подумать, как бы прокормиться.

Всего добра у него было — старая кляча да ветхая тележка. Вот и надумал парень возить в Кишинёв дрова на продажу.

Правда, кляча едва на ногах держалась, на все четыре копыта хромала, и тележка ей подстать — на все четыре колеса заваливалась. Но парень был толковый: клячу он жалел, тележку берёг, дров много не накладывал, лошадь зря не понукал, сам

всё больше рядом шёл, а где дорога похуже — воз плечом подпирал. Словом, дело своё делал как следует.

Однажды нагрузил он свою тележку дровами и отправился, как всегда, в город. Продал на базаре дрова и потихоньку да полегоньку возвращается домой.

А впереди по дороге идут два старика. Идут — еле ноги волочат. И обгоняет их фаэтон, запряжённый парой резвых лошадей. В фаэтоне барин и барыня сидят.

Старики просят:

— Добрые люди, не подвезёте ли нас? Совсем мы от усталости падаем, не дойти нам до места пешком.

— Дойдёте как-нибудь, ничего с вами не станется, — отвечают барин и барыня.

Хлестнул кучер лошадей, и помчался барский фаэтон дальше.

А за ним другой фаэтон катит, и в нём сидят два молодых барчука.

Снова просят старики:

— Пожалейте нас, бедных!.. Совсем ноги нас не держат! Уж сделайте доброе дело, подвезите, а мы вам век благодарны будем!..

— На что нам ваша благодарность! — смеются барские сынки. — Коли отправились в путь пешком, так пешком и идите. — Стегнули коней и мимо проехали. Зря бедные старики кланялись!

Поплелись они дальше по дороге, один другого держит, друг на друга опираются.

Тут догнал их парень со своей тележкой.

— Давайте, — говорит, — садитесь, добрые люди, в мой фаэтон. Подвезу!

— Что ты, парень! — говорят старики. — Где уж тебе нас подвезти! И так твоя лошадь еле плетётся, а твоя тележка и без нас вот-вот развалится.

— Да садитесь же, довезу как-нибудь, — говорит парень. — Ведь не тяжелее вы тех дров, что я каждый день вожу. За нами

никто не гонится, поедem мы потихоньку, о том о сём словом по дороге перемолвимся — вот и время скоротаем.

Не стали старики спорить. Видят, что парень от чистого сердца говорит.

Взобрались они в повозку и поехали.

По дороге стали они, как водится, расспрашивать парня о его житье-бытье.

— Ты, парень, женат?

— Нет, холост я.

— Как же так?

— Да вот так. Видно, не повстречал ещё ту, которая мне сужена.

— Эх, сынок, так ведь твоя суженая сегодня за другого замуж выходит. Поворачивай лошадь, поедem твою свадьбу сыграем!

Парень, конечно, думает, что старики смеются.

Вот он им и говорит — тоже смеху ради:

— Разве мы поспеем на моей-то кляче? Нет, не судьба мне жениться.

Да не знал парень, что старики эти — не просто старики, а волшебники, и ходят они по дорогам, чтобы сердца у людей испытывать, — доброму сердцу добром платят, а злое наказывают.

— Не тужи, парень, — отвечают ему старики. — Всё ладно будет!

И только сказали — старая кляча вскачь понеслась. Катится повозка по дороге, да так быстро, что только держись!

А дорога длинная, на ту сторону Прута ведёт.

Наконец подкатил парень со стариками к богатой усадьбе. Гостей там видимо-невидимо, верно, со всей округи съехались на барскую свадьбу.

Остановил парень свою повозку около конюшни, а сам со стариками пошёл в дом.

Барин как завидел их издали, так даже на порог не пустил.

— А вам что тут надо? — спрашивает.

— Да вот пришли на свадьбе погулять, — отвечают старики.

— Не про вас эта свадьба, — говорит хозяин. — Не для таких оборванцев, как вы. Идите-ка своей дорогой, вам тут делать нечего.

Ну нечего, так нечего. Поехали старики и парень прочь с барского двора.

Отъехали немного и остановились у колодца.

Лошадь распрягли и пустили её по полю пастись, а сами сели передохнуть. Только долго не сидели старики, а ровно столько, сколько нужно, чтобы умом пораскинуть да поворожить. Трёх минут не прошло, как вместо бедных странников у дороги сидели два почтенных старца в богатой одежде, а парень-возница стал знатным юношей. И уж так для него старики постарались, так его раздели, что только смотри да любуйся. Камзол на нём бархатный, сапоги сафьяновые, шапка золотом шитая.

Сделали старики своё дело и снова уселись в повозку. Да только теперь это уж не повозка для дров, а красивый фаэтон. И кляча уже не кляча, а породистый рысак, да не один, а целых два!

И вот снова поехали старики и юноша на барскую свадьбу.

Едва увидел хозяин богатый фаэтон, сразу выбежал на встречу знатым гостям. Поклоны чуть не до самой земли отвешивает, сам помогает старикам из фаэтона выйти.

— Добро пожаловать, дорогие гости. Сама судьба, видно, привела вас ко мне в дом на веселье. Будьте гостями на свадьбе моей дочери!

Взял он под руку одного старика и другого, а слуге велел юношу вести. Усадил гостей за свадебный стол на самом почётном месте и уж не знает, как уважить, как улестить богатых незнакомцев.

— Честь-то мне какая! — говорит. — Такие важные господа ко мне в дом пожаловали!

Тут один старик встал, поблагодарил хозяина за почёт и ласку, а потом говорит:

— Есть у нас в стране такой обычай: на свадебном пиру все гости переворачивают свои тарелки вверх дном, а потом поднимают. Если жених и невеста по сердцу друг друга выбрали, они под своими тарелками виноградную гроздь найдут. Давайте и мы на этом пиру вспомним дедовский обычай.

Опрокинули гости свои тарелки вверх дном, а когда снова подняли, видят — одна гроздь винограда лежит под тарелкой невесты, а другая под тарелкой приезжего юноши. А у жениха-барчука под тарелкой пусто.

— Вот и видно теперь, кто суженый невесты! — говорят старики.

Хозяин чуть локти не кусает с досады, а невеста рада-радёненька. Ей и вправду жених был не по сердцу.

Пришлось жениху встать со своего места и уйти со своей свадьбы, а парень-возница сел рядом с невестой. И снова зашумел свадебный пир.

Ну и веселье было на том пиру! Всегда бы так веселиться! Все гости ели-пили всласть. Только наши старики ни к чему не притронулись. Что им ни подадут, они всякое угощение то к рукаву поднесут, то к вороту, то к подолу.

Увидел это хозяин дома, набрался смелости и говорит:

— Простите меня, гости дорогие, только хочу я вас спросить, почему вы не едите, не пьёте, а всё красивой вашей одежде подносите?

— Да ведь у вас так принято — не человека почитать, а его одежду, — говорят старики.

Отвернули они полы своих дорогих кафтанов, и узнал хозяин тех самых стариков, которых он прогнал.

Стыдно ему стало, да пришлось смолчать.

Всякому пиру конец приходит, и этот пир к концу пришёл. Молодые поцеловали руки родителям, распрощались с гостями и отправились в путь — к жениху домой. И старики с ними поехали.

У колодца снова остановились — и снова всё стало по-прежнему. Ни богатого фаэтона, ни резвых коней. Жених снова стал простым возницей, а старики — нищими странниками.

— Ну, красавица, — спрашивают старики у невесты, — хочешь себе такого мужа? Не побоишься за бедняка пойти?

— Не побоюсь, — говорит невеста. — На богатых-то я насмотрелась, да ведь ни от кого доброго слова не слышала, а ваш жених и ласковый и весёлый.

— Ну а ты, парень, что хочешь для новой жизни? Проси, не бойся.

— Да мне бы дело хорошее найти, чтобы людей радовать.

— Будет по-твоему, — говорят старики. — Езжай к берегу Днестра, увидишь там брошенную хатёнку да старую лодку. Вот и вози людей с берега на берег — и в ясный день, и в непогоду.

Распрощались молодые со стариками и поехали дальше в своей тележке.

На берегу Днестра увидели они и хату и лодку — всё как сказали старики.

Вошли они в хату, а там словно кто их поджидал — прибрано, вымыто, печка натоплена, на столе в горшках горячая еда дымит.

С той поры стал парень возить людей с одной стороны Днестра на другую. И ни в какую погоду не слышали люди от него отказа. Чуть кликнут его, а он уже отзывается и ведёт свою лодочку по волнам и в бурю и в дождь, и днём и ночью.

Всякий его благодарил, каждый здоровья и счастья желал.

Так и жил лодочник до самой старости — людям служил да от людей добро видел.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВОЛК

Было или не было, а если не было, то и рассказывать нечего. А коли мы рассказываем — значит, так оно и было. Слушайте же!

Жила на свете женщина, бедная вдова. Всего у неё было вдоволь — и нужды и работы. Как говорится, лихо она хлебала полной ложкой, через край переливалось.

Да ведь не всё человеку горе — есть и радость: был у вдовы сын, как свет в окошке, как солнце на небе. Рос парень потихоньку, глядишь — и в работе помощник. Лет за плечами не много, а работы переработано — на двоих бы мужиков хватило!

Только как ни старается, всё из нужды не выбиться. Да такое в крестьянстве не диво, чтоб об этом много говорить.

А ведь сказка ещё и не начиналась! Начинайся, сказка, рассказывай по порядку.

Замела однажды зимой вьюга. Три дня в трубе выла, по крыше пригоршнями снега стучала. В хате темно, за окном бело. Три дня мать с сыном из хаты не выходили. Наконец утихла вьюга. Проглянуло солнце, заиграло искрами по сугробам.

Стал парень дверь отворять — не отворяется. Приналёг плечом, кое-как открыл. Вышел во двор, глянул — батюшки! — чуть не до самой крыши хатёнку их замело. Взял он лопату, принялся снег отваливать.

Вдруг слышит — на дереве над его головой ворона каркает. Да так жалостно, будто рыдает. Прислушался парень, и кажется ему, что ворона такие слова выговаривает:

Кар-р — беда,
        кар-р — беда,
Я умру от голода!
Кар-р — куда,
        кар-р — куда
Спрятаться от холода?
Кар-р — напрасны
        кар-р — слова,
Дует, воет вьюга...
Я едва
        кар-р — жива...
Где найти мне друга?

Парень и сам-то не раз голодом сидел, вороньи жалобы ему до сердца дошли. Вот он и говорит:

— Пойдём, бедолага, к нам в хату. Перезимуешь. Уж как-нибудь прокормлю тебя.

Обрадовалась ворона, слетела с дерева, поскакала по расчищенной дорожке за парнем прямо в хату. Первым делом залезла на печку лапы отогреть. Потом корок наклевалась...

Так и прожила ворона в хате всю долгую зиму. Парень последним куском хлеба с ней делился, у себя ото рта отрывал, залётной гостье отдавал.

Наконец зазвенели, потекли ручьи под снегом. А там и снег сошёл, а там и земля зазеленела. Повеселела ворона, скачет по лавкам, песни распевает. Ну а известно, каковы вороньи песни: кар-р да кар-р — даже в ушах звенит! Каркала она, каркала и вдруг заговорила:

— Весна у двора — со двора пора. Спасибо тебе, добрая женщина!

С этими словами ворона низко вдове поклонилась, клювом об пол стукнула. Потом повернулась к парню, другое сказала:

— А ты со мной в путь собирайся. За добро добром платят, да у меня, кроме спасибо, ничего при себе нет. Пойдём в птичье царство, где живёт моя матушка. Ты для своей матери дороже белого света, и я для своей матери не дешевле стою. Она за меня чем хочешь тебя отдарит.

Сборы у парня были недолгие: сунул за пазуху краюху хлеба — для себя и для вороны, с матерью попрощался и отправился в путь-дорогу.

Ворона с дерева на дерево перелетает, а где и вприпрыжку скачет. Парень за ней поспевает. То в гору поднимается, то в долину спускается, то болото перебредает, то реку переплывает.

Наконец пришли в птичье царство. Где это царство лежит, неизвестно, — тот парень дорогу в него забыл, а мы и не знали. Вороны — те знают, да разве они скажут!

Перед тем как ступить в птичье царство, ворона слетела парню на плечо и сказала:

— Послушай, братец! Будет тебе матушка дарить золото и драгоценные камни. Не лъстись ты на них. А проси только подушечку, что мать себе под ноги кладёт.

Уж как обрадовалась ворона-матушка — и рассказать трудно. Чёрные её перья от радости сизым отливать стали. Захло-

потала она около парня, не знала, куда посадить, чем угостить.

Три дня прожил парень в птичьем царстве. Стал домой собираться.

Старая ворона говорит ему:

— Без подарка не отпущу. Есть у меня горшочек золота, возьми его.

— Да нет, — говорит парень, — не надо мне золота. Дай лучше мне ту подушечку, что под ногами у тебя лежит.

— На что тебе подушечка? — спрашивает ворона. — Вон в углу ларчик с драгоценными камнями. Они дороже золота.

Парень на своём стоит:

— Хочешь дарить — подари подушечку, а не хочешь, и так пойду.

— Мне подушечки для тебя не жалко, — сказала старая ворона. — Только как бы беды не вышло. Знаю я вас, людей, любопытны вы очень. Не сделаешь, как я велю, явится железный... — Не договорила ворона, сама себе клюв крылом заткнула. — Ну да ладно, дело твоё. Но, если хочешь послушать моего совета, не распарывай подушечку, пока домой не придёшь. Да и домой придёшь, не распарывай. Построй сначала десять больших загонов, тогда и распарывай.

Взял парень подушечку, попрощался со старой вороной и с молодой вороной и пустился в обратный путь.

А ворона ведь правду сказала: любопытны люди. Парень половину пути прошёл — крепился. На середине дороги не вытерпел. Чем эта подушечка дорога? Что в ней такого? Как поверить, что она дороже золота и драгоценных камней? Может, воронье в ней счастье — не человечье? Принесёшь матери, а в подушечке — то и не окажется ничего! Подпорю уголок... Какая может быть от этого беда?..

Сел парень на траву, вынул складной нож и подпорол чуть-чуть подушечку. Что тут случилось! Вырвался оттуда табун коней. Гривы косматые, хвосты по ветру развеваются. Сытые кони, статные! Верно, у самого царя таких коней не бывало! Топнул

копытом белый жеребец, заржал, и весь табун разбежался по долине.

Не успел парень опомниться, как появилось стадо коров. Рога разлогие, у каждой из вымени молоко бежит. А впереди коров бык идёт, подгрудок у самой земли мотается. Заревел бык, и коровье стадо тоже по долине разбежалось.

А из подушечки овцы выскакивают — целые отары овец с кудрявой шерстью... Свиньи с боку на бок переваливаются, хрюкают. А там и птица пошла: куры, гуси, утки!

Ахнул парень, понял, что натворил, да поздно! Не собрать ему скот. А если и соберёт, в подушечку не загнать. Вон она какая маленькая!

Заплакал парень от горя, от обиды на самого себя. Так заплакал, что даже траве его жалко стало. На всех травинках, на всех листочках кругом светлые капельки блестят... То ли это трава вместе с ним заплакала, то ли утренняя роса на ней не просохла.

Вдруг задрожала земля и встал перед парнем железный волк. Ростом тот волк с дом, хвост у него с тополь, глаза величиной с глиняную миску и светятся красным светом, как раскалённые угли.

В другое время парень так и обомлел бы со страху, а тут глянул на волка и отвернулся. Всё равно — свет божий не мил.

Лязгнул волк зубами, зазвенели железные клыки, словно мечи в жаркой битве.

— Что, братец, много тебе пользы от вороньей подушечки?

Плачет парень, не отвечает волку.

— Слезами горю не поможешь! — говорит волк. — Вот я бы помог, да не знаю, что ты мне за это дашь...

Парень голову поднял:

— Возьми скота сколько хочешь. Чтобы тебе не мало было и мне не обидно.

Засмеялся волк:

— Не своим товаром торгуешь! Я и без тебя могу хоть весь скот пожрать. Сколько брюхо запросит, столько и съем.

— А что же ты хочешь? — спрашивает парень.

— Тебя съесть!

Опешил парень. Согласиться — так на что ему тогда богатство? Не согласиться — с чем к матери вернуться?

Волк словно угадал его думы:

— Не сейчас я тебя съем, а в тот день, когда жизнь тебе милее всего покажется. Нет ничего горше человека в горе, и нет ничего слаще человека в счастье.

Парень подумал: «Когда-то ещё ко мне счастье придёт! А вернусь домой с богатством — мать счастливой станет».

И сказал волку:

— Ладно, будь по-твоему.

Опять залязгал волк зубами, будто колокола зазвонили. Насторожились лошади, замычали в ужасе коровы, заблеяли овцы, завизжали свиньи... Сбились все в кучу, дрожат.

Волк обежал стадо и — вот чудо! — загнал всех в подушечку. А подушечка цела, словно её и не трогали.

Поклонился парень волку. Волк смеётся:

— Тогда будешь кланяться, когда я за тобой приду!

Волк своей дорогой побежал. Парень — своей пошёл. Добрался до дому, мать поцеловал и давай загоны строить.

Мать спрашивает:

— Что ты, сынок! Зачем нам загоны? У нас и курёнка-то худого нет.

— Потерпи, матушка! Увидишь, что будет.

Приколотил парень последним гвоздём последнюю доску к последнему загону и распорол подушку.

Что тут случилось! Нам-то не в диковинку, мы про это уже слышали. И сам парень такое видал. А вот что с матерью случилось, рассказать невозможно. Ну и не будем рассказывать.

Зажили мать и сын в довольстве и достатке. Соседи завидуют. Мать радуется. А парень? Парень — самый несчастный человек на свете: радоваться боится!

«Вот, — думает, — обрадуюсь, тут-то и придёт железный волк. Съест меня, косточки не оставит!»

А что за жизнь без радости?! Стал парень худеть, с лица потемнел. Чахнет, что цветок, прибитый осенним заморозком.

Мать говорит:

— Женись, сынок!

Парень молчит.

Соседи говорят:

— Достаток у тебя есть. Чего не женишься?

А парень молчит.

Он бы и рад жениться, да вот радость-то ему и страшна!

Страшился парень, страшился, пока не увидел на краю села девушку чернобровую, чернокошую. Он её и раньше знал, ведь в одном селе жили. Да только и он сам ещё мал был — не много о девушках думал, и она босоногой девчонкой была, с хворостинкой гусей выпасала. А пока парень в птичье царство ходил, а потом тосковал да железного волка боялся, выросла девчонка, расцвела, как сад по весне.

Словом, увидел её парень и бояться перестал. Любовь и боязнь в одном сердце не уживаются.

Свадьба так свадьба! Напекли, нажарили, вина-пива наварили. Сели гости за стол. Только подняли чарки, чтобы молодых поздравить, затряслось всё кругом, гром раздался и появился железный волк. Ростом тот волк с дом, хвост у него с тополь, глаза величиной с глиняную миску и светятся красным светом, как раскалённые угли.

Все так и окаменели от страха. Ведь никто такого чудища и во сне не видал!

А волк лязгнул зубами и сказал парню:

— Вот теперь-то я полакомлюсь! Теперь-то ты вкусен!

Поник парень головой. Вот вам и свадьба! Вместо песен — слёзы и стоны, вместо скрипки — заголосит молодая вдова, зарыдает старая мать...

Так бы оно всё и вышло, если бы не свадебный каравай. Лежал он перед женихом и невестой, а тут по столу покатился, к ногам волчьим подкатился и заговорил громким голосом:

— Не спеши, железный волк! Послушай, что я тебе скажу.

Удивился железный волк — никогда ещё он не слышал, что бы каравай говорить умел. Однако ответил:

— Слушаю.

— Съесть — дело нехитрое. Гам — и всё тут! — говорит каравай. — А знаешь ли ты, что мне приходится вытерпеть, перед тем как меня люди съедят? Перво-наперво зароют меня в землю, словно с белого света в тёмную могилу схоронят. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю, — отвечает волк.

— Полежу я в земле, начну прорастать. Только на свет выгляну, примется меня холодный дождь поливать. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Уймутся дожди, морозы нагрянут. Дрожу я, вот-вот совсем застыну. А терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Потом навалит на меня снегу — ни шелохнуться, ни вздохнуть. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Придёт весна, стает снег. Тут бы мне радоваться, так заморозки по утрам покою не дают. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Вырасту я, нальются колосья, опять худо: солнце меня палит, птицы клюют, ветер к земле клонит. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Дальше ещё того хуже. Режут меня под корень, в снопы связывают. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Потом молотят меня. Бьют, не жалеют. От таких колотушек всё зерно из колосьев высыпается. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Да это ещё не всё. Везут меня на мельницу, тяжёлыми жерновами в муку перетирают. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— А как начнут меня в квашне месить, так кулаками под бока и суют. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— От закваски начну я пухнуть, всего меня распирает. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— Наконец разорвут меня на куски и посадят в раскалённую печь. Да ещё и заслоном прикроют. А я терплю. Терпи и ты, волк!

— Терплю.

— А теперь слушай самое важное. Если лёгкая рука у хозяйки, выхожу я из печи такой, как сейчас, гладкий да румяный. А у плохой хозяйки — с одного бока пригорю, с другого — лопну. Лопни и ты, волк!

— Лопнул! — крикнул железный волк.

И лопнул!

Пошло веселье на свадебном пиру пуще прежнего. Гости веселились, жених с невестой веселились, и я веселился. Хотел было с той свадьбы вам пряников принести, да их все съели. Захватил с собой оттуда одну только сказку. Вот и рассказал её!

ЦАРЬ ПТИЦ

Решили как-то птицы избрать себе царя. Может, спросите: зачем птицам царь? Да ведь так уж заведено — где стадо, там и пастух. Вот и пернатым захотелось иметь правителя.

Словом, задумали они так и собрались на свой птичий совет. Видимо-невидимо птиц прибыло — со всех концов, со всех сторон. Кто с ближнего края, кто с дальнего, кто поперёк земли летел, кто вдоль, а слетелись все в одно место.

Щебечут птицы, чирикают, свистят-пересвистываются: кому быть царём, кому над всеми властвовать? А про себя

каждый думает: «Почему бы не мне, чем я хуже других?» Да ведь царь — то один нужен!

Ещё пошумели птицы и сошлись вот на чём. У птичьего народа в чём сила? В крыльях! Значит, кто выше взлетит, тот из всех достойнейший. Тому и быть царём.

Сказано — сделано. Опустились птицы на землю, а потом все разом взмахнули крыльями и — цушт! — взвились в воздух.

А надо вам сказать, была среди птиц маленькая пичужка — крапивник. Хвост короткий, крылья короткие, так — комочек бурых пёрышков и ничего больше. Куда крапивнику с другими тягаться! Это он и сам понимал. А всё-таки и ему в царях побывать охота. И вздумал крапивник всех перехитрить. Бочком-скачком подобрался крапивник к орлу и примостился у него под крылом.

Орлу что? У него крылья могучие. Сорвался с места и набирает высоту. А того, что крапивник за него уцепился, даже не почувствовал.

Летят птицы, всё выше и выше поднимаются. Но вот одна птица отстала, другая. Отмахали себе крылья, задохнулись. Хватило бы сил спуститься — и то ладно.

Все птицы уже на ветки уселись, только орёл в высоте парит.

«Что ж, — думают, — орёл и есть орёл! Ему и покориться не стыдно!»

Задрали птицы головы, любуются орлом. А орёл кружит и кружит в ясном небе. С северным ветром поспорил, южный ветер обогнал. Наконец устал, начал опускаться.

Тут-то крапивник и вылетел из-под его крыла и поднялся вверх. Не много пролетел, а всё-таки выше орла побывал.

— Кто, что, как?! — зачирикал пернатый народ. — Почему? Отчего? Откуда?

Спустился на землю орёл. Спустился и крапивник.

— Я ваш царь, — говорит орёл.

— Нет, я ваш царь, — говорит крапивник. — Я выше взлетел.

Что птицам делать? Уж и сами не рады, что затеяли поставить над собой царя. И без него неплохо жилось. Да ведь, раз уговорились, как слово нарушишь?! Совсем приуныли птицы.

Вдруг в траве чирикнул воробушек:

— А я что-то вижу! А я что-то знаю!

Прыг-скок — подлетел к крапивнику и выдернул из его спины перо.

— Чьё перо? Чьё перо? Не его перо! Не его перо! — кричит воробей.

А перо-то было орлиное!

Тут птицы обо всём догадались. Бросились они на обманщика, когти растопырили, клювы наострили. Совсем бы конец крапивнику, да исхитрился он как-то увернуться.

Летит крапивник то поверху, то понизу, то вкривь, то вкось. Птицы за ним. Вот-вот нагонят! Однако крапивник приметил дупло в старом дубе и юркнул туда. Дупло маленькое, узкое, а такой пичуге как раз впору. Зато другим птицам никак не залезть. Сунул было ворон в это дупло голову — чуть не застряла голова.

— Да ну его! — каркнул ворон. — Попугали и то хор-рошо!

— Э, нет! — отвечает дрозд. — Так не пойдёт. Будем его сторожить. Захочет есть — вылезет. Тут-то мы ему пёрышки и причешем. А не вылезет — сам себе смерть накличет.

Стали птицы караулить дупло. Сначала кукушка караулила. Потом соловей, потом дрозд. Наконец пришёл черёд сове караул держать.

Села сова на ближнюю ветку, глаз с дупла не сводит. А крапивник забился поглубже, не шелохнётся. Соскучилась сова и напала на неё дремота. Сова дремоту прочь гонит, с лапы на лапу переступает. Да куда там! Круглые её глаза сами собой закрылись. Уснула сова, крепко уснула.

Ну а крапивнику только и надо. Цушт! — и выпорхнул из дупла.

Сорока его первая заметила.

— Держи, держи! — кричит.

— Держи! Лови! — разнеслось по всему лесу.

Опять погнались за крапивником птицы. Да ведь сказано — хитёр крапивник. Забрался в заросли терновника, попробуй достань его! Лапы в кровь издерёшь!

Упустили обманщика. А кто виноват? Сова! Ох и досталось же сове. Еле крылья унесла.

С тех пор со стыда и со страха сова светлым днём клюва не показывает. Птицы летают — сова спит. Птицы спят — сова летает.

А крапивник всё в колючие кусты да в крапиву забивается. Потому - то и зовут его крапивником. Раньше - то иначе эта пичуга прозывалась, да я забыл как.

КАК ФЭТ-ФРУМОС СОЛНЦЕ ОСВОБОДИЛ

Давно ли это было или недавно, о том молчит сказка. А только, верно, очень давно. Так или не так, а великое горе царило на земле. Не всходило поутру солнце, не грело, не светило. Тьма крошечная стояла кругом, такая, что, хоть зрячим будь, хоть глаза выколи, всё равно ничего не увидишь. Во тьме рождались дети, росли, старились и умирали.

Но прадеды и деды рассказывали внукам и правнукам, что не всегда так было. Когда-то сияло над землёй солнце, небо было голубым, а не чёрным, тёмная ночь сменялась ясным

днём. Да вот, говорили прадеды, украли солнце драконы, неведомо куда спрятали.

В ту тяжёлую пору на опушке леса, у берега реки, жили бедняк с женой. Ничего-то у них не было — ни птицы, ни скотины, ни даже хвоста от скотины. Подчас в доме ни крошки хлеба, ни крупинки соли не сыщешь. Сами они удивлялись, как это ещё с голоду не пропали.

А ведь бедняк работающим был человеком, рук и спины не жалел. Исходил он всё царство вдоль и поперёк, на любую работу соглашался, готов был из камня воду выжимать.

Однажды вернулся он домой, ничего в руках не принёс. А в сердце принёс заветную думку. Только ею с женой и поделился:

— Вот что, жена, исходил я дорог немало, повидал людей богатых и бедных, добрых и злых. Меньше сам говорил, других больше слушал. Собираются люди, такие же бедняки, как мы с тобой, идти солнце из неволи вызволять. Пойду и я с ними.

Заплакала жена.

А муж говорит:

— Не плачь, голубка, не горюй. Не один я иду, человек, может, сорок гуртом сбиваются. И решили мы твёрдо: либо добудем солнце, либо головы сложим.

С теми словами и отправился он в дальний путь: неведомо куда, а ведомо зачем.

Знала жена, когда муж ушёл, а когда назад вернулся, не довелось ей узнать. И никто другой не узнал, потому что вовсе не вернулся тот человек, да и те, кто с ним пошёл, тоже не вернулись. Словно в тёмную воду канули.

Осталась женщина одна-одинёшенька. Говорится так, а вышло не совсем так. Потому что вскоре родился у неё сын. Дали ему имя Ион, а мать звала его ласково Ионикэ. И такой удивительный паренёк был этот Ионикэ, что к полудню сам выполз из плетёной камышовой люльки, а к вечеру заговорил.

Мать на него нарадоваться не могла, иначе как сынок-красавец не называла. Вот и получилось, что Ион стал зваться

Ионикэ Фэт-Фрумос, что по-нашему, по-молдавски, и значит сынок-красавец.

Трёх лет не прошло, как Ионикэ Фэт-Фрумос принялся матери во всём помогать, хозяйничать в доме. Руки у него золотые, усердия не занимать, да что толку?! По-прежнему бьются они с матерью в нужде, как рыба на суше.

И вот однажды спросил Ионикэ Фэт-Фрумос:

— Скажи, мать, как вы с отцом жили. К какому делу он руки прикладывал? Может, и я тем делом займусь, легче нам будет из бедности выбиться.

— Ох, Ионикэ, за что только твой отец не брался! Недоедал, недосыпал, всё боялся работу из рук выпустить. А всё равно не лучше, чем сейчас, жили. Порой ни крошки хлеба, ни крупинки соли в доме не сыщешь.

— А что с отцом случилось? — опять спрашивает Ионикэ.

Заплакала тут женщина так горько, как в тот час, когда с мужем расставалась:

— Лучше бы ты не спрашивал меня, мой Фэт-Фрумос, мой сынок-красавец! Если пойдёшь ты по той дороге, что отец пошёл, мне сердце пополам разрежешь. Ничего я тебе не скажу.

Опечалился Фэт-Фрумос:

— Неужели отец на злое дело решился?

— Что ты, что ты! — закричала мать. — Он людям добра хотел, за них и пропал. Пошёл искать свет и сгинул во тьме.

Не хотела бедная женщина говорить, а всё рассказала.

Чего она боялась, то и вышло. Запали Ионикэ Фэт-Фрумосу в душу думы отца, слова матери — про ясное солнце, что всю землю осветить и обогреть может. И сказал он себе так: «Подрасту ещё немного, наберусь сил и пойду искать солнце. И пусть, пока я ищу, ржа железо съест, гниль дерево в труху превратит, капля камень сточит — всё равно я от своего не отступлюсь. Найду и выпущу солнце!»

Работает Ионикэ — о солнце думает. Спит — солнце ему во сне видится. Сама собой сложилась у него песня. Куда ни пойдёт, что ни делает — эту песню поёт:

— Как тебя зовут? — спрашивает царь.

— Зовут Ионикэ, прозывают Фэт-Фрумос.

— Ну вот что, Ионикэ, — говорит царь Чёрный, — коли ты и вправду задумал солнце с его светом и теплом освободить, возьму я тебя во дворец. Будешь там жить, на царских хлебах сил набираться. Ну, пойдёшь со мной?

— Да я пошёл бы, — отвечает Ионикэ, — жалко мать одну оставить. Будет она меня искать по всем дорогам и тропам, от горя и тоски изведётся.

— За чем дело стало? — говорит царь. — Возьмём и мать во дворец.

Царь Чёрный посадил Ионикэ Фэт-Фрумоса в карету, а слуг послал за его матерью.

Скоро вернулись слуги во дворец, сказали так:

— Не пошла с нами твоя мать, Ионикэ. Велела тебе передать низкий поклон и ещё сказала, что всю жизнь мужа ждала, а теперь тебя ждать будет в родной хате.

Пожил Ионикэ Фэт-Фрумос во дворце сколько-то времени. Заиграла в нём сила. Ребром ладони ударит по скале — надвое скалу расколет. Сожмёт булыжник — песок из кулака сыплется. А уж подкову узелком завязать — это он ни за что считает.

Тут понял Ионикэ Фэт-Фрумос — пришла ему пора в путь собираться.

Царь Чёрный ему говорит:

— Выбери из царской оружейницы саблю и булаву себе по руке, а на конюшне — коня себе по нраву.

Взял Ионикэ саблю поострее, булаву со стальными шипами потяжелее и отправился на конюшню.

Стоят кони в стойлах сытые, холёные, все жилки под атласной кожей играют. Подошёл Ионикэ Фэт-Фрумос к первому и схватил могучей рукой коня за гриву. Не устоял конь, пал на передние ноги. Фэт-Фрумос рассердился, отшвырнул коня.

— Этот мне в пути не товарищ! С таким солнце не добудешь.

Взялся за второго, и второй рухнул со всех четырёх копыт. Так обошёл Фэт-Фрумос всю царскую конюшню, а всё напрасно. Ни один конь под его рукой не устоял. Смотрит — ещё конёк в самом углу. Захудалый такой, ростом невелик, грива сваялась.

— Ну этого и пробовать нечего! Жалкая кляча, не по ней плачу, — сказал Ионикэ и хлопнул конька по спине.

А конёк и не шелохнулся. Тянет морду к Фэт-Фрумосу, будто сказать хочет: «Надень на меня узду. Буду тебе верным слугой».

Ну Фэт-Фрумос и надел на него узду.

Встряхнулся конёк — и вот стоит перед Ионикэ огневой скакун, лучше которого на всём свете не сыщешь. Оседлал его Фэт-Фрумос, вскочил в седло. Тут конь заговорил человеческим голосом:

— Как нести тебя, хозяин? Ветром ли мчаться или быстрее мысли лететь?

— Ветер дует-дует да стихнет. Мысль несётся — не остановить. Хочу ехать как пристало доброму молодцу.

Пустился конь рысью. Из-под копыт искры летят, путь освещают. Гудит земля, в дальних горах эхо отзывается.

Если бы солнце в том краю всходило и заходило, мы бы сказали: скакал Фэт-Фрумос день и ночь и ещё три дня и три ночи. Но не светило солнце на небе, и потому мы так скажем: долго ли коротко ли ехал Ионикэ Фэт-Фрумос, а притомился под ним конь и сам всадник устал. У моста через реку спешился Ионикэ, пустил коня пастись, а сам прилёг отдохнуть.

Только успел задремать, слышит — скачет кто-то на той стороне реки. Вот подъехал к мосту. Стукнул конь копытами о мост, захрапел и назад попятился. Ударил его всадник плетью, заругался:

— Ах ты кляча, съешь тебя псы! Хвалился, что никого, кроме богатыря Фэт-Фрумоса, не боишься, чего же ты сейчас испугался?

Вскочил тут Ионикэ, через реку голос подал:

— Недаром твой конь испугался. Я Фэт-Фрумос и есть.

Засмеялся всадник так, что мост затрясся и волны по реке заходили.

— Больно ты смел! Не знаешь, видно, с кем говоришь. Я Сумрак-дракон, что солнце с неба украл и в темницу запер. Уходи с моей дороги, а не то биться будем. Хочешь — на саблях, хочешь — на булавах.

Ионикэ Фэт-Фрумос отвечает:

— Острей моей сабли, тяжелей моей булавы на свете не сыщешь. А я хочу в честном бою победить. Давай лучше на поясах бороться.

— Давай, — согласился Сумрак и слез с коня.

Стали они бороться. Приподнял дракон Фэт-Фрумосу, размахнулся — Ионикэ по щиколотку в землю увяз. Ионикэ за дракона взялся, пошире размахнулся — дракон Сумрак по колени в землю вгруз. Разгорячились бойцы. Ухватил дракон Фэт-Фрумосу покрепче, над головой поднял, завертел, закрутил и бросил. Вогнал Фэт-Фрумосу в землю по пояс. Тут Фэт-Фрумос совсем разъярился. Перебросил дракона через плечо с такой силой, что дракон по шею в землю ушёл. Выхватил Фэт-Фрумос острую саблю и срубил ему голову, ровно кочан капусты.

Сделал своё дело Ионикэ Фэт-Фрумос, дальше поехал.

Едет Ионикэ, коня не понукает, да и не придерживает. Ехал, ехал — и опять перерезала ему дорогу река. Можно бы и дальше двинуться — через эту реку тоже мост перекинут, но Ионикэ подумал: «Отдохну, если не помешают. Кто знает, что впереди ждёт?»

Пустил он коня на волю, сам у обочины дороги сел. Спать не спит, песню свою завёл:

Украли солнце драконы —
Свет потемнился белый.
Поломает драконьи законы
Только сильный и смелый...

Последнее слово пропел, слышит — цок, цок! — стучат конские копыта по ту сторону реки. Доскакал чужой конь до моста, захрапел, назад попятился. Не идёт на мост. Всадник бранится:

— Ах ты волчья приманка, воронье угощение! И чего ты испугался, облезлая твоя шкура?! Не мне ли нащёптывал, что одного бы Фэт-Фрумоса побоялся?! Где же твой Фэт-Фрумос?

— А вот я! — закричал Ионикэ. — Я Фэт-Фрумос, а ты кто такой?

— Я Вечер-дракон, не тебе, букашке, ровня. Дохну́ разок, всё живое на земле глаза смыкает. А если ты, дурень, вздумал со мной тягаться, давай поборемся.

Стали они бороться. Бились не на жизнь, а на смерть. Земля кругом гудела, под ними расступалась. По щиколотку увяз Фэт-Фрумос, а Вечер-дракон — по колени. Один другому спуска не даёт. Вот дракон Фэт-Фрумоса по пояс в землю вогнал. Но собрался с силами Фэт-Фрумос, и дракон по шею в землю ушёл. Тут Ионикэ и срубил ему голову, словно спелую дыню.

Напился Фэт-Фрумос воды из речки, коня напоил, и поехали они дальше.

Проехали лесом, частым, что гребень, по долине, ровной, как столешница. Перебрались через горы, что, как пики, в небо вонзаются, и остановились у третьей реки, у третьего моста.

Только спешился Ионикэ Фэт-Фрумос, а уже кто-то к мосту подъезжает. Конь под тем всадником захрапел и попятился. А верный конь Фэт-Фрумоса вперёд ступил и тихонько сказал хозяину:

— Те битвы — не битвы. Впереди настоящая битва. Сам Полночь-дракон на тебя идёт. Только не бойся — он тьму защищает, а ты за свет бьёшься, тебе и победа достанется.

Правду говорил конь — страшный бой разгорелся. С первого удара Полночь-дракон Фэт-Фрумоса по грудь в землю вогнал. Но и Фэт-Фрумос в долгу не остался. Схватил дракона

за пояс, вколотил его в землю по самую шею. Только взмахнул саблей, чтобы дракону голову срубить, а тот землю вокруг себя раскидал, выбрался из ямы, опять на Фэт-Фрумоса бросился. Долго так бились. То один верх берёт, то второй. А всё друга одолеть не могут.

Иссякла у Фэт-Фрумоса сила, да и у дракона её не больше осталось. Повалились оба в разные стороны, лежат, еле дух переводят.

Вдруг слышат — сильные крылья воздух со свистом рассекают. Это коршун прилетел, кружит над ними, добычу высматривает.

— Коршун, коршун! — закричал Полночь-дракон. — Окропи меня водой, чтобы силы ко мне вернулись. Убью я Фэт-Фрумоса, останки тебе брошу.

— Братец коршун! — закричал Фэт-Фрумос. — Окропи меня водой, чтобы силы ко мне вернулись. Убью я дракона, выпущу солнце. Будешь ты парить в голубом небе, в золотых лучах греться.

Пал коршун на тёмную реку, зачерпнул крылом воду, окропил Фэт-Фрумоса. Второй раз к воде спустился — из клюва Фэт-Фрумоса напоил.

Двойная сила в тело Ионикэ влилась. Вскочил он на ноги и рассёк дракона пополам.

А коршун всё кружит над полем битвы, вверх не поднимается, вниз не спускается.

Фэт-Фрумос ему крикнул:

— Спасибо тебе, братец коршун! Ешь теперь досыта. А я дальше поеду. Моё дело сделано.

— Ещё не сделано твоё дело, — отвечает коршун. — Вот когда с неба солнце засияет, а ты домой к матери вернёшься, тогда и будет сделано дело.

— Верно ты сказал, — говорит Ионикэ Фэт-Фрумос. — Ты по всему миру летаешь, не знаешь ли, где спрятано солнце?

— Знать не знаю, а догадку имею, — отвечает коршун. — Поезжай вперёд. Там замок стоит, в замке живёт мать драко-

нов со своими тремя невестками. Не иначе как солнце у них в подземелье спрятано. И ещё тебе скажу: чтобы силу побороть, у тебя сила есть, а вот с хитростью силой не сладишь. Больно ты душой прост.

Тут отозвался верный конь Фэт-Фрумоса:

— А хитрости у меня хватит!

— Ну, коли так, доброго вам пути! — крикнул коршун.

Поехали дальше. Ехали-ехали и заехали в густой-прегустой лес. Корни деревьев, что змеи, по земле выются, ветви, как лапы, за одежду хватают, колючки, словно когти, в тело впиваются. Ни пройти, ни проехать.

Остановился верный конь и сказал:

— Вырви волосок из моей гривы, повяжи вместо пояса — кем захочешь, тем и станешь. Дальше только мухе пробраться можно. Так стань же ты мухой!

Послушался Фэт-Фрумос коня: как тот велел, так и сделал. И вот уже нет Ионикэ Фэт-Фрумоса — летит по лесу муха, летит, жужжит.

Подлетела муха к замку, облетела кругом три раза — двери заперты, окна заперты, нигде и малой щели не сыщешь. Тогда муха через дымоход в замок пробралась. Примостилась на балке, стала смотреть и слушать.

Сидят за столом четыре драконши — старая мать драконов да три её невестки: жена Сумрака, жена Вечера и жена Полночи-дракона. Все четыре такие страшные с виду, что и описывать их не стоит. А не то ещё ночью приснятся, ну их совсем!

Мать драконов говорит:

— Где-то мои сыны? Куда бы они ни поехали, где бы ни были, я всегда слышу, как копыта их коней цокают. А теперь тихо всё, сколько ни прислушиваюсь. Ох, невестушки, не беда ли моих сынов, ваших мужей, постигла?!

— Что ты, матушка! — отвечают невестки. — Сильнее наших мужей никого на свете нет. Кого им бояться?

— Фэт-Фрумоса, — говорит мать драконов. — Ему на роду написано солнце из неволи вызволить.

Тут ответила ей жена Сумрака-дракона:

— Будь проклят этот Фэт-Фрумос! Если и вызволит он солнце, не долго на него налюбуется. Полечу я вперёд, обернусь на его пути колодцем с отравленной водой. Выпьет он глоток, закроет глаза навеки.

— Ну а я, — подхватила жена Вечера, — стану на его пути яблоней с отравленными яблоками. Надкусит Фэт-Фрумос одно — навеки руки на груди сложит.

— И я не отстану, — сказала жена Полночи-дракона. — Сделаюсь лозой с отравленными кистями винограда. Съест виноградинку Фэт-Фрумос — тут для него солнце и закатится.

— Ох, ох, невестки, не к добру вы расхвастались. Сходите-ка лучше в подземелье, поглядите, цело ли солнце.

Поднялись с места драконши, пошли в подземелье. Муха за ними полетела.

Стоит в подземелье кованый сундук, из щёлочки яркий лучик пробивается. Драконши и крышку у сундука открывать не стали.

— Тут солнце! Никуда не делось. Всё матушка страхи себе придумывает.

Сказали так друг другу и пошли прочь. А муха в подземелье осталась. Переждала чуть, ударилась о землю — сделался Фэт-Фрумос снова человеком. Бросился к сундуку, приоткрыл тяжёлую крышку.

Вылетело из того сундука солнце — так в лицо Фэт-Фрумосу жаром и пахнуло. Чуть он не ослеп.

А солнце прожгло дубовые двери подземелья и прямо в небо взлетело. Осветило весь мир щедрыми лучами.

Всё что ни есть живого на земле вверх посмотрело. А там, вместо чёрного, — голубое и белые облачка по голубому плывут. Запели птицы, и люди запели. Чужие друг друга обнимают, словно братья. Скачут солнечные зайчики по воде, дети смотрят на них и смеются. Цветы венчики навстречу солнцу раскрыли, листья на деревьях шелестят — тепло ловят. Никогда такого счастья на земле не было!

Только царь Чёрный рассердился. Мечтал царь, что ему одному солнцу достанется — даром, что ли, он Фэт-Фрумоса кормил и поил. Залез царь на крышу своего дворца, протянул руки — чуть-чуть солнцу не схватил. Принялся подпрыгивать, да и свалился с крыши. Тут ему и конец пришёл.

А что же, сказка про славного Фэт-Фрумоса забыла? Да нет, не забыла. Освободил солнцу Ионикэ Фэт-Фрумос, вслед за ним из подземелья выбежал, сел на своего верного коня, обратной дорогой поехал.

Долго ли, коротко ли ехал, а солнцу печёт — и радостно и жарко с непривычки. Пить захотелось — сил нет. Видит — у дороги стоит колодец, вода в нём прозрачная, что горный хрусталь. Только хотел Ионикэ зачерпнуть горстью, да вспомнил, что говорила жена Сумрака-дракона. Размахнулся Фэт-Фрумос саблей, ударил по срубу. Заструилась из колодца не вода, а чёрная змеиная кровь. Фэт-Фрумос дальше поехал.

Может, полдороги проехал, может, меньше. Пить ещё больше хочется. А тут стоит у дороги яблоня — листья зелёные, яблоки румяные и такие на вид спелые, что сами в рот просятся. Но Фэт-Фрумос решил сперва с саблей посоветоваться. Ударил острым лезвием под корень яблони. Повалилась яблоня с шипением и хрипом. Вот уж не яблоня это — издохшая драконша, жена Вечера-дракона.

Едет Ионикэ Фэт-Фрумос, усмехается, всё наперёд знает. Увидел лозу с виноградными кистями, и раздумывать не стал. Рубанул сплеча по лозе — третью драконшу убил.

Теперь конец не конец, а к концу близко. Осталась только мать драконов. Оглянулся назад Фэт-Фрумос, так и есть — наползает чёрная гуча, молнии из неё блещут. Пригляделся Ионикэ — да это мать драконов его догоняет. Пасть разинула, одна челюсть в небо упирается, другая челюсть землю задевает, изо рта пламя пышет.

Пришпорил Фэт-Фрумос коня, а его и пришпоривать не надо. Понёсся конь быстрее мысли, вмиг очутился у старой

кузницы, что стояла при дороге. Так и влетел туда Фэт-Фрумос на коне. И как раз вовремя, потому что мать драконов догнала и чуть Фэт-Фрумосу вместе со скакуном не проглотила.

Ионикэ захлопнул дверь, засовы задвинул. А мать драконов снаружи лютует. То лапой по крыше ударит, то головой о двери колотится. Но кузница как стояла, так и стоит. Крепки двери, надёжны запоры.

Видит мать драконов, что ничего она так не добьётся, на хитрость пустилась. Заговорила сладким голосом:

— Ион, Ионикэ, славный Фэт-Фрумос! Дай на тебя хоть в щёлочку поглядеть. Каков ты есть, что хитрее моих невесток, сильнее моих сыновей оказался. А больше мне ничего и не надо.

— Отчего ж, погляди, — говорит Фэт-Фрумос. — Сейчас я тебе покажусь.

А сам раздул горн, накалил докрасна булаву со стальными шипами и пробил в стене дыру. Мать драконов обрадовалась, просунула в дыру голову, разинула пасть, чтобы Фэт-Фрумосу проглотить. Отскочил Ионикэ в сторону, вместо себя раскалённую булаву подставил. Как проглотила её мать драконов, сразу же из неё дух вон.

Растворил широкие двери кузницы Фэт-Фрумос, смотрит — исчезла туча, солнце в чистом небе ещё ярче сияет.

Поехал Ионикэ Фэт-Фрумос по родной земле. Люди его встречают, поклон отдают, спасибо говорят. Вот, наконец, и село, где он жил, и родная хата. Выбежала старая мать, обняла своего Ионикэ и заплакала. И были это последние её слёзы, потому что с того дня ничего, кроме радости, не довелось ей знать.

А что же дальше с Ионикэ Фэт-Фрумосом было? Это уж пусть в других сказках рассказывается. Наша и без того длинна.

БЕДА УЧИТ

Был у крестьянина сын. Пока мальчик в одной рубашонке бегал, отец на него нарадоваться не мог. Шустрый парнишка — хорошим помощником будет.

Подрос сын, отец запечалился. Взглянет на парня — и головой покачает. Не то чтобы сын лентяем, непутёвым лоботрясом стал. Нет, парень старательный, от работы не бегают. Да только проку от его усердия не много. За что ни возьмётся, всё у него из рук валится. Поручат ему дело, он спрашивает, с чего начать, как это дело сделать да чем кончить. Одним

словом, неумелец — не подпираясь чужим умом, шагу ступить не умеет.

Вот однажды отец говорит:

— Поезжай, сынок в лес. Наруби на зиму дров.

— А какие деревья рубить? — спрашивает сын.

— Лучше всего буковые, — отвечает отец.

— А потом что делать?

— На арбу наложи, прикрути верёвкой и вези домой.

— А если по дороге случится что?

— Да разве наперёд всё угадаешь! Когда случится, тогда и думать будешь.

— А если я не придумаю?

Тут крестьянин терпение потерял:

— Ну уж тогда зови Беду, она тебе поможет.

Запряг сын в арбу двух волов и отправился в лес.

Всё сделал, как отец велел: нарубил буковых дров, наложил на арбу, верёвкой прикрутил и поехал назад.

Медленно переступают волы. Колёса скрипят-заливаются. Парень рядом идёт и весело покрикивает:

— Цоб цабэ, круторогие! Цоб цабэ!

Рад, что отцовский приказ выполнил.

Вдруг зацепилось заднее колесо арбы за корень старого дуба. Стали волы как вкопанные. Ни туда ни сюда.

«Вот тебе и раз! — думает парень. — Как же быть? И спросить не у кого. Придётся Беду звать».

Набрал он воздуха побольше и закричал:

— Иди ко мне, Беда!

Подождал — тихо.

Тогда он закрутил хворостиной над головой и крикнул на волов:

— Гей! Гей!

Волы нагнули рога, рванулись. Арба стронулась с места. Колесо-то через корень перевалило, а ось — крак! — и переломилась пополам.

Парень чуть не заплакал с досады. Теперь уж без Беды никак не обойтись!

— Эй, Беда, не видишь разве, что со мной приключилось! Иди сюда скорей!

Помолчит парень, прислушается и опять Беду кличет. Охрип даже. А Беда словно оглохла. Не откликается, не идёт.

Тем временем солнце садиться начало. Скоро стемнеет. Страшно парню одному на ночь в лесу оставаться. Ещё волки съедят! Надо добираться до дому.

Потоптался он, почесал затылок. Потом за топор взялся. Срубил парень лесину — не толстую, не тонкую, а ровно такую, какая нужна. Обстругал её, сделал новую ось. Старую вытащил, эту вставил. Верёвкой, что волов всегда привязывал, прикрутил ось на место. А немного верёвки не хватило — надрал лыка с липы, надставил лыком.

Ну вот, теперь и без Беды до дому доехать можно.

— Гей! Гей!

Медленно переступают волю. Колёса скрипят-заливаются. Парень рядом шагает, покрикивает:

— Цоб цабэ, круторогие! Цоб цабэ!

Вызвездило на небе. Парень во двор въехал.

— Ну как, сын, съездил? — спрашивает отец. — Ничего худого не стряслось с тобой в дороге?

— Стряслось, отец, — отвечает сын.

И рассказал всё как было. Потом говорит:

— Я твоего совета послушался. Да ничего из этого не получилось. Не пришла Беда мне помогать, как ни звал.

Отец засмеялся.

— Эх, сын! — сказал он. — Да ведь Беда приходила. Кто же тебе и помог, как не Беда. Это она тебя заставила умом пораскинуть. Недаром ещё мой дед говаривал: «Беда измучит, а уму-разуму научит!»

БАТРАК И БАРИН

Жил на свете богатый барин. И был у него птичник, а в птичнике — видимо-невидимо всякой птицы: и кур, и уток, и гусей.

Смотрел за птичником батрак. Он и поил птиц, и кормил, утром гулять выводил, вечером в птичник загонял. Вздохнуть бедняге некогда. И хоть бы разок отведал он курятины или гусятины! Куда там! Об этом и думать не приходилось.

А барин каждый день наедался в своё удовольствие да считал своих птичек, чтобы ни одна не пропала.

И так это было обидно батраку, что однажды поймал он гуся, ощипал, разделал, как положено, сунул в духовку, а потом наелся в своё удовольствие. Не хуже барина пообедал!

А на другой день пришёл барин в птичник и принялся пересчитывать птиц. И одного гуся недосчитался. Было вчера сто, а сегодня — девяносто девять.

— Эй, ты, — кричит (он и имени-то батрака не знал). — Где ещё гусь? Одного не хватает.

— Не может того быть. Все тут.

— Как все, когда их только девяносто девять.

— Никак нет, — говорит батрак, — ровно сто.

Барин опять считать. Как было девяносто девять, так и есть.

— Эй, ты! — опять кричит барин. — Хоть из-под земли доставай, а чтобы гусь тут был.

А батрак знай твердит своё:

— Все они на месте. Все сто.

Барин из себя выходит. И придумал он вот что — позвал сто батраков и говорит упряму:

— Считай сам, сколько их?

Ну тот пересчитал.

— Сто, — говорит.

— И гусей, говоришь, сто?

— И гусей сто.

— Значит, на каждого батрака приходится один гусь?

— Значит, так.

— Ну, — приказывает барин батракам, — хватайте каждый одного гуся.

Бросились батраки ловить гусей. Всех переловили.

Девяносто девять парней стоят перед барином, и у каждого гусь под мышкой. А один парень с пустыми руками остался.

— Ну, плут, — говорит барин батраку, — видишь?

— Вижу, — говорит батрак.

— Так почему же девяносто девять человек поймали гусей, а один не поймал? А?

— Так кто же виноват, барин, что он такой нерасторопный!
Пусть себя и винит, что без гуся остался.
Ну что на это скажешь? Ничего!
Вот и барин не нашёлся что сказать.

КУКУШКИНО ИМЯ

Подбил как-то мальчишка крыло у сороки. Совсем, бедная, летать не может. Забилась под крыльцо дома — там её кошка чуть не съела. Выбралась из-под крыльца — чуть в зубы собаке не попала. Тут и увидел её человек. Пожалел, подобрал, к себе домой принёс.

Всю зиму провела сорока у того человека. Крыло у неё зажило, сорока повеселела. Стрекошет с утра до ночи, человеку все птичьи сплетни рассказывает. Надоела она хозяину хуже горькой редьки. Да куда её выгонишь — мороз трескучий на дворе, метели воют!

Наконец пришла весна. Распахнул человек окно и выпустил сороку.

Прилетела сорока в лес, выбрала ветку повыше, села и заверещала. Скоро все птицы в лесу, сколько их там ни гнездилось, знали, что сорока у человека всю зиму прогостевала. Стала сорока самой знатной птицей в лесу. Все у неё расспрашивают, что да как. Всякому любопытно узнать про человека побольше.

А однажды подсела к сороке кукушка. Времени у кукушки хоть отбавляй. Никаких у неё забот нету — ведь детей своих она овсянке подкинула. И сорока рада, она поговорить мастерица.

Выслушала кукушка, что сорока натрещала, потом спрашивает:

— А как человек — любит пение?

— Любит, — отвечает сорока. — Он и сам поёт. Только у него плохо получается. Голос толстый.

— А птичье пение любит?

— Любит. Больше всех соловья хвалит. Говорит, что таких песен ни у кого нет.

— А ещё кого хвалит?

— Жаворонка хвалит. Говорит, что, как зазвенит жаворонок, так весной и пахнёт.

— А про твой голос говорил что-нибудь человек?

— Ещё бы! — сказала сорока. — Каждый день про мой голос говорил. И трещоткой меня называл, и крикуньей, и болтуньей, и хвастуньей.

— Не пойму всё-таки, — сказала кукушка, — нравился ему твой голос или нет?

— Да как ещё нравился! Послушает-послушает — и уши заткнёт. Верно, чтобы лучше мою песню запомнить.

Тут-то кукушка и спросила то, к чему весь разговор вела:

— Ну а про мои песни что он думает?

— Про твои?.. — опешила сорока. — Да уж не обижайся, соседка, никогда я не слыхала, чтобы он хоть словечко про тебя сказал.

— Ни разу?

— И ни полраза! — отвечает сорока.

Кукушка всполошилась:

— Ах ты, беда какая! Он, может, и имени моего не знает?

— Может быть, — сказала сорока.

— Непременно надо, чтобы человек имя моё узнал! — решила кукушка.

С тех пор она только и делает, что своё имя выкрикивает.

Пойдите в начале лета в лес, прислушайтесь. Сразу услышите: «Ку-ку! Ку-ку!»

Это кукушка надывается, хочет, чтобы вы узнали, как её зовут.

ИЛИЕШ МЭЛЭЕШ

Сказка сказкой, да та, что мы сейчас расскажем, не со сказочных времён повелась. Да и не сказка это вовсе, а чистая правда. Может, и приврано в ней немного, так у вас на выбор любая дорога: слушай — верь, не слушай — не верь.

Не в том краю, где солнце всходит, и не в том, где оно садится, а ровно посредине стояла деревня. Жили в той деревне люди. Жили-поживали, беды не знали. До тех самых пор беды не знали, пока не пришлось им с бедой познакомиться.

Не было близ той деревни ни речки, ни озера. Воду брали под горушкой из глубокого колодца, что выкопали деды, а может, и прадеды.

И вот поселилось возле того колодца драконье семейство: дракон, дракониха да маленький драконёнок. Жили они мирно, людей не трогали, только всего и страху, что бабки ими малых ребят пугали.

Дракон и дракониха в своём драконёнке души не чаяли и до того избаловали, что он уж и сам не знал, чего выдумать. Встал однажды утром, зевнул во всю свою зубастую пасть и заорал:

— Хочу человека съесть!

Дракон и дракониха его уговаривают, а он всё своё: подай ему человека, да и только. Что дальше — то хуже. Заревел во всю глотку, крыльями размахался, ногами затопал. Поднялась от его крика буря. Яблоки в садах с веток посыпались, солома на крышах торчком встала. А у самих дракона и драконихи уши позаложило.

Делать нечего! Пришлось им уступить любимому дитятке. И объявили они по всей деревне: пускай-де пришлют одного человека драконёнку на съедение. А нет — так воды и ковшика никто не зачерпнёт из колодца!

Теперь уж в деревне плач поднялся: шутка ли — человека дракону отдать на съедение!

День сидят без воды, второй. Ни попить, ни сварить, ни скотину напоить! На третий день собрались всей деревней и решили жребий кидать — кому дракону на обед идти. Лучше уж одному погибать, чем всем миром пропадать.

Выпал жребий Илиешу Мэлэешу. Девки заголосили. Ведь Илиеш Мэлэш первый в деревне красавец. И плясун и песельник!

Один Илиеш Мэлэш не унывал. Помахал девкам шапкой на прощание и отправился к колодцу.

Сел на камень, поджидает драконов. А солнце печёт, разморила жара Илиеша Мэлэеша. Стало его в сон клонить. Пристроился он в тени сруба и задремал. Может быть, и заснул бы крепко Илиеш Мэлэш, да проклятые мухи покоя не дают. Кружатся над головой, жужжат, то на лоб садут, то на нос.

Рассердился Илиеш Мэлэш. Хлопнул себя по лбу — сразу десять мух убил. Смешно ему стало, и запел он песенку, что тут же у него в голове сложилась:

Илиеш Мэлэш парень что надо,
Друзьям распотешник, девкам отрада.

Подумал ещё немножко, пошевелил губами и опять запел:

Но коли рассердится он, то беда!
Не знать бы вам страхов таких никогда.
Махнёт он рукой да притопнет ногой —
Десять драконов скосит, как косой:
Их ноги не ходят, их крылья не носят,
И даже пощады злодеи не просят.

Поёт Илиеш Мэлэш, сам себя заслушался. Того и не заметил, что как раз в это время к колодцу прилетел дракон — пасть разинута от земли до неба. Только бы и схватить дракону Илиеша Мэлэша. Так нет же, поверил он песне, перепугался.

И без того у драконов кровь не горяча, а тут от ужаса чуть совсем не застыла.

Повернул было дракон назад, да подумал: «Сами люди мне его отдали! Что я за дурак от него отказываться. В честной схватке мне с ним, конечно, не справиться, а перехитрить попробую».

Решил так дракон и заревел страшным голосом:

— Эй, человек, замолчи, меня послушай. Хотели мы тебя отдать на съедение моему сыночку, да теперь я передумал. Иди к нам в работники, если ты и вправду так силен, как в песне твоей поётся.

Услышал Илиеш Мэлэш голос дракона, посмотрел на его пасть — так и обмер со страху. Однако виду не подал. Опять затянул песню:

Но коли рассердят меня, то беда!
Не знать бы вам страхов таких никогда.

— Мы тебе платить будем, — закричал дракон. — Хочешь три золотых в год?

А Илиеш знай себе поёт:

Махну я рукой да притопну ногой —
Десять драконов скошу, как косой!

— Шесть золотых в год, — закричал дракон.

— Ну, коли так, — ответил Илиеш Мэлэш, — давай рядиться. Буду служить, пока вам самим не надоест. А уж если попросите меня уйти, дадите в награду шесть мешков золота.

Согласился дракон.

Привёл Илиеша Мэлэша в свою хату.

— Вот тебе верный слуга-помощник, — сказал драконихе.

Потом к драконёнку повернулся:

— А ты, сынок, и забудь, что съесть человека хотел. Ближе к нему не подходи.

Сел Илиеш Мэлэш на лавку у окна, ждёт, когда ему работу дадут.

Старый дракон говорит своей драконихе:

— Ты тут хозяйничай, а мне по делу за три моря слетать надо. К ужину вернусь.

Улетел дракон. Дракониха взяла корзину и сказала новому работнику:

— О-хо-хо, пора черешню обирать, пока воробьи все ягоды не склевали.

Пошли дракониха и Илиеш Мэлэш в сад. Дракониха схватила лапой верхушку старой огромной черешни, да так её всю к земле и пригнула. Держит она черешню, а Илиеш Мэлэш ходит вокруг, ягоды обирает.

Устала лапа у драконихи, она и говорит:

— Теперь ты за верхушку держи, я буду ягоды рвать.

Взялся Илиеш Мэлэш за верхушку, а дракониха верхушку отпустила.

Тут как засвистит что-то — это черешня распрямилась, Илиеша Мэлэеша через себя перебросила. Отлетел Илиеш Мэлэеш на сто шагов и упал как раз на куст, под которым заяц спал. Только заяц хотел задать стрекача, Илиеш Мэлэеш изловчился и схватил его за уши.

А дракониха задрала голову, смотрит на черешню, никак не может понять, куда работник девался. От удивления из ноздрей у неё пар повалил.

Принёс Илиеш Мэлэеш зайца драконихе и хвалится:

— Видала, какой я ловкий, видала, какой я быстрый? Никто от меня не уйдёт! Заметил зайца под кустом, прыгнул через черешню — и вот он у меня в руках. Давно я зайчатины не ел, пойду зайца жарить. А ты уж сама черешню обирай.

Увидел драконёнок зайца в руках Илиеша Мэлэеша, обрадовался. Захлопал крыльями, закричал:

— Молодец, что зайца для меня поймал!

— Почему для тебя? — сказал Илиеш Мэлэеш. — Мой это заяц. Я его поймал, я его и съем.

— Нет, мой! — кричит драконёнок.

— Мой! — стоит на своём Илиеш Мэлэеш.

Спорили они так, спорили, пока Илиешу Мэлэешу не надоело.

— Стоит ли из-за зайца ссориться, — сказал он. — Что заяц! На один зубок всего. Давай подерёмся: кто кого победит, тот того и съест.

— Давай, — согласился драконёнок.

Илиеш Мэлэеш запел:

Махну я рукой да притопну ногой —
Десять драконов скошу, как косой!

А потом говорит:

— Жалко мне тебя, где тебе с таким силачом, как я, тягаться. Возьми хоть палку подлиннее, всё легче тебе драться будет. А я уж как-нибудь маленькой обойдусь.

Взял Илиеш Мэлэш скалку, которой дракониха тесто раскатывала, а драконёнок выворотил доску от лавки.

Стали они драться.

Тесно в хате драконёнку, негде развернуться. Взмахнёт он длинной доской — за потолок зацепится, опустит — горшки перебьёт.

А Илиеш Мэлэш скачет по полу, как мячик, драконёнка скалкой охаживает. По крыльям да по лапам, по лапам да по крыльям.

Пока у них драка шла, косой не стал дремать. Шмыгнул в приоткрытую дверь — и был таков.

Начал драконёнок слабеть. Наконец повалился на спину, а всё норовит ударить Илиеша Мэлэша доской. Взмахнул — да вместо Илиеша сам себя по лбу стукнул так, что искры у него из глаз посыпались. Чуть теми искрами хату не поджёт.

Тут Илиеш Мэлэш снял с себя пояс, спутал драконёнку крылья и лапы крепко-накрепко связал.

— Полежи пока, — сказал Илиеш Мэлэш драконёнку — а я пойду воды в котёл натаскаю. Я драконов больше варёными люблю.

Услышал такое драконёнок, присмирел. Лежит, шелохнуться боится.

А Илиеш Мэлэш взял лопату, пошёл к колодцу. И принялся его окапывать. Копнёт — постоит, копнёт — опять постоит.

А завидел дракониху, что из сада корзину с черешнями тащила, стал работать изо всех сил. Так лопата в его руках и замелькала.

Удивилась дракониха:

— Ты что делаешь?

— Да вот хочу колодец выкопать. Мне много воды нужно. В бочке больше сорока вёдер не унести, так я решил сразу весь колодец перетащить.

— Зачем тебе столько воды?

— Твоего драконёнка на обед сварю. Мы с ним поспори-
ли — кто кого одолеет, тот того съест. Ододел-то, конечно, я.
Где ему против такого молодца! Лежит теперь связанный.

И лапы не ходят, и крылья не носят,
И даже пощады дракончик не просит.

Заплакала дракониха, упала на колени перед Илиешем Мэ-
лэешем:

— Не губи моё дитя. Мал он ещё, неразумен.

— Ладно, — отвечает Илиеш Мэлэш, — подожду до ужина.
Там видно будет.

Солнце стало к закату клониться. Скоро сам дракон вер-
нётся. Дракониха и драконёнок радуются. Страшно им одним
с Илиешем Мэлэшем оставаться.

А Илиеш Мэлэш выбрал верёвку подлиннее, закинул за
плечо и пошёл в лес.

Не много времени прошло, свист над лесом раздался. Это
дракон домой возвращается. Долетел до опушки, смотрит —
что такое: новый работник лес верёвкой обвязывает.

Спустился дракон на землю, спрашивает Илиеша Мэлэша:

— Ты что делаешь?

— Хочу дров домой принести. По брёвнышку таскать долго.
Вот я и решил весь лес разом приволочь.

— А зачем тебе столько дров?

— Да видишь ли, — принялся объяснять Илиеш Мэлэш, —
поспорили мы с твоим сынком: кто кого одолеет, тот того и
съест. Ододел-то, конечно, я. Да только твоя дракониха упро-
сила меня на обед его не варить. Сердце у меня доброе: не сва-
рил я драконёнка. А теперь думаю к ужину зажарить. Вот на
что мне дрова понадобились.

Услыхал это дракон, задрожал:

— Не трогай моего сыночка! Я тебе шесть мешков золота
отдам, как условлено. Только уходи от нас.

— Э нет, — сказал Илиеш Мэлэш. — Шесть мешков золота ты мне по уговору должен, а за драконёнка ещё шесть подавай. Выходит двенадцать.

— Ладно, будь по-твоему, — отвечает дракон. — Пойдём, отсыплю тебе золота и уходи поскорей.

Пока рядились, пока дракон с драконихой в двенадцать мешков золото насыпали, совсем стемнело.

Илиеш Мэлэш зевнул и говорит:

— Неохота в темноте домой тащиться. Посплю тут до утра. На заре по холодку приятнее идти.

Улёгся он на телеге, что стояла во дворе с задранными оглоблями, и захрапел во всю мочь. Храпеть-то он храпел, а спать не спал. Чуял, что дело не добром, а лихом обернуться может.

А дракон и дракониха сидят на крылечке, пригорюнились — жалко им двенадцать мешков золота ни за что отдавать.

Дракон и говорит драконихе:

— Слушай, мать, натерпелись мы все страху сегодня. Силы-то у него побольше нашей, зато у нас в хитрости перевес. Давай так сделаем... — и зашептал ей на ухо.

Дракониха слушает, головой кивает. Потом ушли оба в дом.

Тут наш Илиеш Мэлэш вскочил. Положил на телегу сноп соломы, прикрыл его кожухом, тем, что укрывался, а сам забрался под телегу.

Ровно в полночь вышли дракон и дракониха из хаты. Идут крадучись, в руках цепи несут. Стали с двух сторон телеги и принялись по снопу молотить так, что сами устали.

— Ну, — говорит дракон, — теперь с ним покончено. Можем спать спокойно. Деньги наши целы, и мы целы.

Ночь до утра они и вправду проспали спокойно. А на заре проснулись, слышат — поёт Илиеш Мэлэш во всё горло:

Илиеш Мэлэш парень что надо,
Друзьям распотешник, девкам отрада.
Но коли рассердится он, то беда!

Не знать бы вам страхов таких никогда.
Махнёт он рукой да притопнет ногой —
Десять драконов скосит, как косой:
Их ноги не ходят, их крылья не несут,
И даже пощады злодеи не просят.

Вскочили драконы, заметались по хате. Драконёнок со страху за печку забился.

— Да что же это за напасть такая! Уж как мы его цепами молотили, думали — ни одной косточки целой не осталось. А он, слышишь, живёхонек.

Тут Илиеш Мэлэш через порог переступил.

— Как спалось тебе? — спрашивает дракониха.

— Спалось бы и совсем хорошо, да вот блохи по мне прыгали. Надо будет кожух как следует вытрясти.

Дракон и дракониха только переглянулись. А их сынок, драконёнок, высунул голову из-за печки, спросил:

— Скоро ли ты домой пойдёшь?

И опять голову за печку спрятал.

— Домой? — сказал Илиеш Мэлэш. — Домой бы я пошёл, да неохота с мешками таскаться. Я, пожалуй, у вас ещё поживу.

— Донесу я тебе мешки, — заревел перепуганный дракон.

— Ну уж ладно, пойду тогда, — согласился Илиеш Мэлэш.

Семь мешков взвалил на себя дракон, пять мешков дракониха. Илиеш Мэлэш впереди налегке идёт, поёт свою песню.

Тяжела у драконов ноша. Прошли они полдороги, вздохнул дракон: «Ф-фу!» Илиеша Мэлэша драконьим вздохом, словно ураганом, на полверсты унесло.

— Эй, — кричат дракон и дракониха, — не беги так быстро, нам за тобой не поспеть.

— Я и так не спешу, — отвечает Илиеш Мэлэш. — В прошлом году разозлил меня один дракон, посмотрели бы вы, как я за ним гнался!

У драконов от его слов ноги совсем подгибаются. Однако идут они, боятся Илиеша Мэлэша рассердить. Дотащили мешки до его дома, сложили у ворот, попрощались и скорей в обратный путь.

— Эй! — кричит им вслед Илиеш Мэлэш. — Готовьте на завтра угощение. Я к вам в гости приду.

Ничего не ответили драконы, только крылья вдоль земли распустили, чтобы легче бежать было.

Прибежали к себе, схватили своё дитяtko, всё как есть бросили и пустились наутёк куда глаза глядят. Лишь бы подальше от страшного Илиеша Мэлэша.

Никогда больше в этих краях драконов не видели.

ПЭКАЛЫ И ЕГО БРАТЬЯ

Жил в одной деревне старик, и было у него три сына. Старшие — парни как парни, в меру умные, в меру работающие, когда добрые, когда злые, когда весёлые, когда строгие — ну как все люди.

А младший ни на кого не похож. Со стороны посмотреть — как будто дурачок: и смеётся не к месту, и печалится не ко времени, и дело будто не делает, а что задумает, от того уж не отступится.

Кто про него говорил — чудной, кто говорил — дурной. А звали его Пэкалы.

Однажды заболел старик и говорит своим сыновьям:

— Дети мои, вижу я, что пришёл мой конец. Живите в мире и дружбе. Хоть трудился я всю жизнь, а много добра не нажил. Оставляю вам в наследство одну только корову.

Хотел он сказать ещё что-то, да не успел — помер.

Похоронили сыновья отца и стали делить наследство. Да ведь как одну корову поделить?

Старший говорит:

— Моя корова. Я за ней смотрел, когда она ещё тёлкой была, я её пас, я ей воду носил. Кому же она должна достаться, как не мне?

Средний говорит:

— Вон чего захотел! Нет уж, корова моя будет. Кто за домом присматривал? Кто за больным отцом ходил? Я! Значит, и корова моя.

Слушал Пэкалы, как братья спорят, слушал и говорит:

— Будет вам ругаться. Давайте миром дело решать.

— Да как же его решить?

— Очень просто. Завтра с утра отведём корову на пастбище, и, пока она пасётся, каждый построит для неё загон. В чей загон она пойдёт, тому и достанется.

— А что! Это ты дельно рассудил! — говорят братья.

Старший думает: «Построю загон у самых ворот, вот корова ко мне и пойдёт».

И у среднего на уме то же.

На другой день, спозаранок, отправились братья в лес, на рубили деревьев, натесали кольев и к вечеру по обе стороны ворот выстроили загоны. Старший справа от ворот выстроил загон, а средний — слева.

Только ведь в пустой загон корова не пойдёт. Натаскали братья в загоны самой свежей травы, самых свежих отрубей, поставили по ведру ключевой воды.

А Пэкалы что делает? Лежит себе под деревом, греется на солнышке. Только когда увидел он, что старшие братья кончили свои загоны, встал, наломал ракиты, что у забора росла, и на скорую руку сложил шалаш. И даже сена охапки не бросил у входа.

Наконец солнце спряталось за холмами и корова тихо, не спеша пошла домой. Вошла в ворота, посмотрела направо, посмотрела налево... Братья так и замерли. Куда корова повернёт? Кому счастье привалит? А корова никуда не повернула, прямо к шалашу пошла и стала ветки щипать, молодые ракитовые листья жевать.

Братья с досады так и затряслись.

А Пэкалы смотрит на них да посмеивается.

— Видать, моя корова, — говорит.

Нечего братьям ответить.

Так и стал Пэкалы хозяином коровы.

ПЭКАЛЫ ВСТРЕЧАЕТСЯ С ТЭНДАЛЫ

Шёл однажды Пэкалы — так просто, без всякого дела, и забрёл в лес. Остановился под старым дубом, чтобы отдохнуть, поднял голову, видит — весь дуб желудями обвешан.

Стал Пэкалы собирать жёлуди — так просто, от нечего делать. Набрал полный мешок, вскинул на спину и пошёл дальше.

Не долго шёл, и встретился ему человек, тоже с мешком на спине.

Поздоровались они, остановились.

— У тебя что в мешке? — спрашивает Пэкалы.

— Мука́. А у тебя что?

— А у меня орехи, — говорит Пэкалы.

— Вот и хорошо, — говорит встречный. — Давай поменяемся. Я как раз хотел муку́ на орехи поменять.

— А мне как раз мука́ нужна, — говорит Пэкалы.

Поменялись они мешками и разошлись. А когда скрылись друг у друга из виду, остановились и стали мешки развязывать.

Один развязал — видит, у него в мешке не мука́, а жмыхи.

Другой развязал — видит, у него в мешке не орехи, а жёлуди.

Рассмеялись оба, так что лес загудел. Да и как не смеяться! Друг друга хотели одурачить, а вышло, что оба в дураках остались.

Завязали они мешки и назад повернули.

Не долго шли и снова повстречались.

— Ловко ты меня провёл! — говорит один.

— Да и ты в долгу не остался! — говорит другой.

— Тебя как зовут? — спрашивает Пэкалы.

— Меня Тэндалы. А тебя как?

— А меня Пэкалы.

— Да я же про тебя слышал, — говорит Тэндалы.

— Да и мне про тебя рассказывали, — говорит Пэкалы.

— Знаешь что, давай дружить, — говорит Тэндалы.

— Давай, — говорит Пэкалы. — Только уговор такой: дураков — дурачить, а друг друга выручать.

— Согласен, — говорит Тэндалы.

Тут поменялись они мешками — каждый свой мешок взял — и разошлись в разные стороны, один на восток, другой на запад.

ПЭКАЛЫ СПАСАЕТ ТЭНДАЛЫ ОТ ВИСЕЛИЦЫ

Однажды пришёл Пэкалы в какую-то деревню. Дело уже под вечер было, а на площади перед управой чуть не вся деревня собралась. Шум, гам, как на ярмарке.

Подошёл Пэкалы поближе и видит: стоит человек, связанный верёвками. Все на него кричат, кулаками замахиваются, в спину пинают. И как вы думаете — кто бы это был? Тэндалы.

Протискался Пэкалы сквозь толпу и спрашивает:

— Что это стряслось тут, люди добрые?

А сам и виду не подаёт, что знает Тэндалы.

— Да вот ведём этого парня вешать, — говорят ему.

Пэкалы так и ахнул:

— Вешать? Да за что же? Чем он провинился перед вами?

— Чем провинился? А тем, что всю деревню дурачить вздумал. Послушать его, так ум за разум заходит, уж и не понять, на каком свете живёшь. Ну сам посуди: говорит, что видел у боера* какого-то в огороде капусту величиной с дом. Каков лун, а? Где это слыхано, чтобы капуста была величиной с дом? А он, как заладил своё, так и твердит. Есть, говорит, такая капуста. Ну вот мы и решили проучить его. Повесим, и всё тут.

Задумался Пэкалы — как бы спасти друга? А потом говорит:

— Капуста величиной с дом! Ну и выдумал же ты, приятель! Кто же тебе поверит! Уж где только я не бывал, чего только не видал, а про такое первый раз слышу. Вот, к примеру, видел я во дворе у одного боера ведро с колокольню величиной. Но чтобы капуста с дом была — про такое в первый раз слышу.

— Вот это так штука! — заговорили в толпе. — Ведро с колокольню! И зачем этому боеру такое ведро?

— Кто его знает, — говорит Пэкалы. — Может, для того, чтобы сварить ту капусту, что вот этот парень видел. — И на Тэндалы показывает.

— А ведь правда, — говорят люди, — уж если такое ведро есть, так, верно, и такая капуста бывает. Бедняга-то правду говорил, а мы чуть грех на душу не взяли.

Развязали они Тэндалы и отпустили на все четыре стороны. Да ещё денег ему полный кошелек насыпали.

Пошёл Тэндалы из деревни, а как вышел за околицу, глядь — Пэкалы его догоняет.

Посмеялись они над дураками, поделили деньги пополам и опять разошлись.

---

* *Боер* — крестьянин.

КАК ПЭКАЛЫ СЛУЖИЛ У ПОПА

Услышал как-то Пэкалы, что поп ищет работника, и пошёл к нему наниматься. А поп как раз хлопотал у себя во дворе. Поклонился ему Пэкалы и говорит:

— Добрый день, батюшка.

— Добро пожаловать, сын мой. Каким ветром занесло тебя ко мне?

— Да вот слышал я, батюшка, что тебе нужен батрак.

— Как же, нужен, сын мой, нужен, — говорит поп. — Только у меня свои порядки, уж не знаю, подойдут ли тебе. Я, видишь ли, человек вспыльчивый. А это великий грех. Так вот давай с тобой так договоримся. Как увидишь, что я вдруг рассердил-

ся, можешь отрезать мне нос. Ну а уж коли ты вдруг рассердишься — а это великий грех, великий! — тогда я тебе нос отрежу. Согласен?

— Согласен, батюшка, — говорит Пэкалы.

Ударили они по рукам, потом поп бумагу составил, расписались оба на ней и поставили срок: «пока кукушка не прокукует».

И стал с того дня Пэкалы служить у попа.

Нанял поп нового работника и радуется.

«Теперь, — думает, — я с этого Пэкалы хоть три шкуры спущу, а он и пикнуть не посмеет».

Поп этот презлющий был, а жадный такой, каких свет не видывал.

В полдень сели работники обедать. Всех позвала попадья, одного Пэкалы не позвала. Это поп придумал над Пэкалы так подшутить.

Терпел Пэкалы, терпел, а когда от голода не вмоготу стало, принялся насвистывать. Недаром говорит пословица: «Бое с голоду прогуливается, мужик — посвистывает, а цыган — песни поёт».

Свистел Пэкалы, свистел, а никто о нём и не вспомнил.

Тогда улучил он подходящую минуту, схватил мешок с зерном и отправился в ближнюю деревню. Там отдал он зерно одной бедной женщине, а та за это накормила его досыта.

Поел Пэкалы, вернулся в поле и снова за работу взялся.

Вечером опять то же самое. Всех работников зовут ужинать, а про Пэкалы словно забыли.

Не стал он теперь долго раздумывать, не стал насвистывать, схватил два мешка пшеницы — и бегом в деревню. Его там и накормили на славу.

Вернулся Пэкалы на поле, смотрит — и поп идёт. Захотел, видно, поглядеть, хорошо ли его работники молотят зерно.

— Ну, Пэкалы, — говорит поп, — много намолотил?

— Много, батюшка, много.

— А ведь попадья, кажется, забыла тебя обедать позвать, — говорит поп и усмехается в бороду.

— Верно, батюшка, забыла, — говорит Пэкалы.

— Да и к ужину ведь она тебя не позвала, — опять говорит поп.

— Верно, батюшка. И к ужину не позвала, — говорит Пэкалы.

— Ты, верно, сердишься, Пэкалы? — говорит поп.

— Я сержусь? Что вы, батюшка! Я лучше вашего поел.

— Как так? — удивляется поп.

— Да так, — говорит Пэкалы. — Увидел я, что попадья про меня забыла, взял мешок пшеницы и понёс в деревню. А там одна добрая женщина меня за эту пшеницу уж так накормила, что лучше не надо! А за ужин я ей два мешка пшеницы принёс. Ну и рада она была! Не знала, чем меня потчевать!

Поп от злости прямо позеленел:

— Три мешка пшеницы! Да ты что... В своём уме?

— Уж не сердитесь ли вы, батюшка? — говорит Пэкалы.

Поп так и прикусил язык.

— Что ты, что ты! Буду я из-за такого пустяка сердиться! — сказал поп и с досады пошёл прочь.

С тех пор стал поп звать Пэкалы и к обеду, и к ужину.

Понял, что с Пэкалы шутки плохи.

КЫРМЫЗА

Сказка рассказывает, вам слушать наказывает. А было так или не было, про то нам неизвестно. Если б не было, не ходила бы сказка по свету, не сказывали бы сказку эту.

Жил-был боер. Важный боер, богатый. Землю в его поместье в день не обойдёшь. Дворец у него из камней самоцветных сложен. И в полночь глухую, не то что в светлый полдень, посмотришь на этот дворец — хоть глаза зажмуривай, до того каждый камешек светится. Под дворцом вырыто девяносто девять погребов, чтобы было где от завистливого глаза золото и серебро хоронить. В саду росли диковинные деревья со всех концов света — и с юга, и с севера, и с запада, и с востока.

Что тут скажешь?! Было тому боеру чем перед людьми похвалиться. Но больше всего гордился он своей единственной дочкой. Кырмызой её звали. И такой она была красавицей, что словами не расскажешь, только песню о ней сложишь:

Цвела Кырмыза — всех краше на свете.
Был стан её гибок и лик её светел.
От уст румяных, от синего взгляда
Входили в душу покой и отрада.

Покой - то покой, да только не у парней!

Какой ни увидел бы парень лихой
Усмешку Кырмызы и косы до пят —
Навек потеряет и сон и покой,
Себе он не рад, и друзьям он не рад,
Не видит, не слышит, твердит невпопад:
«Мэй, жизни не жалко за ласковый взгляд!»

Шестнадцать лет исполнилось Кырмызе, и стали к ней свататься женихи. И из ближних поместий приезжали, и из дальних поместий, из-за тридевяти земель, из-за тридевяти морей.

На такую девушку, как Кырмыза, кто поплоше и глаз поднять не смел, не то что свататься. Так что женихи были молодцы как на подбор.

Растерялся боер. Не знает, за кого дочку отдавать. И объявил он так:

— Приезжайте через год. Дочка моя ещё молода.

Пустились женихи в обратный путь. Кто издалека приехал, только и успел до дому добраться, коня напоить — и пора уже ему снова к Кырмызе свататься ехать.

А боер тем временем возвёл стеклянную гору и на ней серебряную башню.

Ровно через год, день в день, собрались женихи. Глянул на них боер и ахнул. Все, кто в прошлом году был, явились, да ещё трижды столько прибавилось.

Боер их спрашивает:

— Видите гору?

— Видим, — отвечают женихи.

— А башню на горе видите?

— Видим.

— А дочь мою, Кырмызу, что в той башне у окна сидит, видите?

— Не видим, — отвечают женихи. — На неё смотреть, что на солнце, — глаза сами жмурятся.

— Ну так вот, — говорит боер, — кто на коне проскачет в гору до башни, да снимет кольцо с руки Кырмызы, да по имени её назовёт, тот и будет ей мужем!

Выстроились женихи по трое в ряд. Пришпорила первая тройка коней, поскакала. Один конь подкову потерял, второй ногу вывихнул, третий шею сломал.

Вторая тройка поскакала... Ни с чем вернулась.

Охотников убавляется, неудачников прибавляется.

Поскакала последняя тройка: заморский царевич, да из соседнего королевства королевич, да парень из дальнего села, Ион по имени. Разогнали коней. Заморский царевич до половины горы доскакал, вниз скатился. Соседний королевич чуть повыше поднялся, да конь его споткнулся на гладком стекле. Вылетел королевич из седла, так вниз по стеклу и съехал. А Ион — крестьянский сын прямо к башне на коне взлетел и Кырмызу по имени назвал, да загляделся на её красу — кольцо снять забыл.

Много охотников было, а ни один жар-птицу — красную девицу поймать не сумел.

Вдруг запыхала дорога, словно смерч по степи идёт. Улеглась пыль, и увидели все ещё одного жениха. Приехал свататься к Кырмызе дракон. Да такой страшный, что глянешь — семь холодных потов прошибёт. Не на коне новый жених приехал — лев косматый у него под седлом: зубы саблями, когти крючьями.

Осмотрелся дракон, засмеялся и поехал тихонько в гору. Лев когти выпустил, идёт вверх, словно по ровному месту. Всю

стеклянную гору когтями истыкал, проклятый! Так, не торопясь, дракон и подъехал к башне. И Кырмызу по имени назвал, и кольцо с руки снял.

Боерское слово назад не берётся. Да, по правде сказать, испугался боер. Ну-ка поспорь с таким женихом! Мало того что сам страшен, ещё и на льве ездит!

Плакала Кырмыза, молила не отдавать её за дракона. А отец своё:

— Ничего, дочка, ко всему притерпеться можно. Ты его своей красой умиришь.

Опустила голову Кырмыза, будто цветок, что морозом прибило.

Делать нечего, надо в дальний путь собираться. В драконов дом, к злой свекрови драконше в невестки идти.

Отец велел Кырмызе выбрать на конюшне коня, какой ей приглянется. Взяла Кырмыза узду, шитую серебром, пошла в конюшню. Добрые кони в стойлах у боера стоят, статные, шерсть у них так и лоснится.

Только к какому коню ни подойдёт Кырмыза, не даёт он себя взнуздать. А в самом дальнем углу конюшни стоял незavidный конёк, по имени Гэитан. И ростом невелик, и шерсть у него лохматая. Смотрит Кырмыза — тянется к ней этот конёк, будто просит, чтобы она на него узду надела.

Кырмыза подумала: «В чужой стороне верный друг всего нужнее! Возьму Гэитана».

Надела Кырмыза узду на коня, он вдруг заговорил:

— Знаю я твоё горе. Не печалься. Одну только смерть одолеть нельзя, а всякую другую беду можно переспорить. Делай, как я тебя научу. Станешь собираться в дорогу, захвати с собой наточенную саблю. В пути я от льва на три шага отставать буду, так ты меня не погоняй. А фыркну я, запрядаю ушами, вынимай саблю из ножен и отведи её в сторону. Дальше не твоя забота.

У Кырмызы легче стало на душе.

На следующий день попрощалась Кырмыза с отцом. Дракон на льва взгромоздился, Кырмыза, словно птица, в седло взлетела. Едут. Гэитан всё время на три шага отстаёт. Заметил это дракон, обернулся и спрашивает:

— Почему ты, дорогая жена, позади держишься? Неужто я тебе не мил?

Кырмыза ему отвечает:

— Не пристало жене со своим господином равняться. Такой в нашей стороне обычай.

Видно, понравился этот обычай дракону, замолчал он.

Тут зафыркал конь под Кырмызой, ушами запрядал. Кырмыза выхватила саблю из ножен, отвела руку. Гэитан рванул-ся вперёд, словно стрела из лука. А сабля, что Кырмыза в руке держала, так и снесла дракону голову. Где пролилась его кровь, там и по сей день цветы не цветут и трава не растёт.

Почуял лев на себе мёртвого наездника, взревел страшным рёвом и понёс тело дракона в драконье логово.

А в драконьем логове мать-драконша сидит, поджидает дорогого сынка с красавицей женой. В большом котле сварила сыну целого быка. Ну а жена его, думает драконша, пускай косточки за мужем обглаживает. Драконша для молодой невестки уже и работу приготовила. Перед логовом гора стояла, загораживала солнечный свет. Вот молодой невестке и дело — по песчинке, по камешку эту гору в другое место перенести. Хорошо, что сын женился, будет в доме верная служанка.

Только рано радовалась драконша. Принёс лев безголового дракона. От горя и злости закрутилась драконша волчком, весь хвост себе искусала. И поклялась она отомстить невестке чёрной мезьей.

А где же Кырмыза, что с ней? Повернул верный конь Гэитан в другую сторону и понёс её высоко над землёй, чуть пониже неба — там, где облака плывут. Летят они над степями чистыми, над скалами каменистыми, через пески сыпучие, через болота зыбучие, через леса дремучие.

На рассвете другого дня опустились они на луг близ села. Село как село, вроде наших Барабоен, откуда я сам родом.

Пошла было Кырмыза к селу, а Гэитан ей говорит:

— Подожди, Кырмыза. Вынь из моего правого уха одежду да переоденься.

Стала Кырмыза вынимать из уха коня одежду. Что такое! Не для девушки этот наряд шит — для парня: чабанские шаровары, длинная холщовая рубаха, по вороту шелками расшита и по рукавам расшита; красный пояс; островерхая барашковая шапка — кушма; постолы с загнутыми носками. Не знает Кырмыза, что со всем этим делать.

Гэитан говорит:

— Девушку всякий обидеть может, парень сам за себя постоит. Сегодня в селе ярмарка. Пойдём туда, вдруг да найдём там твоё счастье.

Переделась Кырмыза, косы под кушму упрятала. Такой из неё ладный парень вышел, взглянешь — zalюбуешься! Одним словом сказать, настоящий сказочный молодец Фэт-Фрумос. Заткнула Кырмыза саблю за пояс и пошла на ярмарку. Гэитана в поводу ведёт.

Ой, сказка, сказка! Давно ты про Иона не вспоминала. Про того Иона, что по стеклянной горе к самому окошку башни подскакал, Кырмызу по имени назвал, а кольцо с её руки позабыл снять.

А ведь Ион в этом селе и жил. Мы с вами про это не знали, а Гэитан знал, потому он и Кырмызу сюда принёс.

Был Ион парень красивый, статный, сильный. Девки по нему так и сохли, любая невеста в селе с радостью бы за него пошла. А Ион по Кырмызе тоскует, всё никак её забыть не может. До того его тоска изглодала, до того память измучила, что пошёл он к гадалке-знахарке — пусть даст ему какого-нибудь зелья, чтобы Кырмызу забыть.

Знахарка ни о чём спрашивать не стала, раскинула по столу бобы и сказала:

— Выходит тебе счастье, парень! Иди на ярмарку. Кого первого увидишь — тот и есть твоё счастье. Старик ли седой, старуха ли сморщенная, красная ли девица или парень молодой, а может, и дитё малое... Веди того человека в свой дом.

Выслушал Ион гадалку и нахмурился.

— А Кырмыза как же? — спрашивает.

— Ничего я про Кырмызу не знаю, — отвечает гадалка. — Что бобы мне говорят, то я тебе говорю. А ты как хочешь.

Подумал-подумал Ион, оседлал доброго коня и поехал на ярмарку. Только подъехал, смотрит — идёт навстречу паренёк, ведёт коня в поводу. Чабанские шаровары на паренёке, шитый ворот, красный пояс.

— Эй, побратим, — говорит Ион, как бобы ему велели. — Ты, вижу я, нездешний. Пойдём ко мне в дом, гостем будешь.

Глянул паренёк на Иона и коня по шее погладил.

— Спасибо тебе, Гэитан, — говорит тихонько. — Угадал ты мою заветную думку!

Поехали они в дом к Иону, к его отцу и матери. Ион едет, на паренёка поглядывает. Чует его сердце: что-то тут не так.

Бывает, найдут тучи, закроют солнце, а оно нет-нет да и пробьётся сквозь облака, ласковый луч на землю пошлёт. Вот и у паренёка так — то взгляд нежный подметит Ион, то улыбку ласковую.

«До чего этот паренёк на Кырмызу похож, — думает Ион, — будто её младший брат!»

А сердце в груди замирает, ему подсказывает — да ведь это сама Кырмыза и есть. Только как про это верняком разузнать, паренёк-то ни в чём не признаётся.

«Ладно же, — думает Ион, — я сам тебя испытаю!»

Говорит он парню:

— Давай поскачем с тобой, побратим, наперегонки, вон до того кургана.

А сам думает: «Если девушка, не угнаться ей за мной!»

Вскочила Кырмаза на Гэитана. Понёлся конь, копытами земли не касается. Добрый был конь у Иона, а с Гэитаном рядом что улитка перед быстроногим зайцем. Ион уже испугался: а вдруг парень на своём коне и вовсе от него укачет. Да нет, вернулся паренёк.

Прожил паренёк в доме у Иона день, прожил другой, живёт и третий. Отец с матерью гостем не нахвалятся, а Ион покою не знает. Опять пошёл к гадалке, всё ей рассказал.

Гадалка вынула уголёк из печи, подула на него, потом говорит:

— Сделай вот как. Лежат у тебя во дворе жерди, подведи к ним паренька, да и спроси невзначай, будто совета просишь, на что эти жерди годятся. Если скажет, что на прялку или там веретёна, — значит, девушка. Недаром говорят: курице про-со снится. Если же парень — посоветует он тебе двор жердями огородить, или ясли для коней, или ещё что по хозяйству.

Послушался Ион. Подвёл паренька к жердям и спросить ничего не успел, как тот сказал:

— Хороши жерди, а частокол на твоём дворе обветшал. Тут как раз на новый хватит.

«Значит, парень!» — думает Ион.

А сердце своё твердит: какой же это парень?! Кырмаза это. Снова пошёл Ион к гадалке.

Бросила гадалка пригоршню песка в ковшик с водой. Посмотрела, как песчинки на дно ложатся, и говорит:

— Навесь на стену в горнице всякое оружие — булаву да шашку, что там у тебя есть. А на лавке у той стены разложи вышивки твоей матери и шерсти крашеной моток-другой. Подведи гостя и примечай — на что он глаза кинет.

Ион так и сделал. Да что толку! Паренёк перво-наперво схватился за пищаль — ружьё старинное. Сказал, что не чище-на давно. Попросил паклю да протёр хорошенько. Потом свою саблю из ножен вытянул, стал с Ионовой сравнивать, хвалиться, что его сабля лучше.

У Иона голова кругом пошла. Бросился в третий раз к гадалке:

— Бабушка, поворожи на чём сама знаешь!

Гадалка рассердилась и гадать не стала.

— Ступай домой, — говорит Иону. — Брось поперёк порога веник и веди гостя в хату. Наступит на веник — парень, подметать начнёт — девка. И больше мне на глаза не показывайся.

Взял Ион веник, кинул поперёк порога и позвал паренька, что в стойле своего коня чистил: иди, мол, мать обед из печи вынимает.

Прибежал паренёк, споткнулся о веник, да не отшвырнул в сторону, а взял в руки, подмёл горницу и в уголок поставил.

Тут Ион сказал:

— Голубка моя, Кырмыза, зачем же ты так долго от меня таилась?

Улыбнулась Кырмыза, сняла кушму, пали по плечам её косы, побежали вдоль спины, как два золотых ручейка.

Отец с матерью медлить не стали, начали к свадебному пиру готовиться да гостей созывать.

Было на той свадьбе у молодого сто дружков, у молодой — сто подружек. Гости ели, пили, плясали, молодых величать не забывали. Весёлая то была свадьба, как говорится — пир на весь мир.

Зажили Ион и Кырмыза душа в душу. Ион работы не боялся, трудился от зари до зари. Кырмыза, хоть и боерская дочка, во всём ему помогала. И что ни делает Ион, думает: «Это для Кырмызы, чтобы ей хорошо жилось». А Кырмыза белых ручек не жалеет, про себя твердит: «Всё для Иона, для милого мужа». Потому и работа им в тягость не была.

Только не долго их счастье длилось. Года не прожили — грянула война. Тут уж разбирать не стали, женат ли, холост, — всех молодых парней в солдаты побрали. Пошёл на войну Ион.

Пошёл — и словно в воду канул.

Ждут старики родители, ждёт Кырмыза. Дитя, что в душевной хате всю зиму просидело, так весны не ждёт, как Иона ждали.

А Ион среди звона сабель и свиста стрел успел всё-таки письмецо написать: «Батюшка, матушка, берегите Кырмызу. Она мне дороже жизни. Видно по всему: скоро замирение выйдет, войне конец. Вернусь я домой, буду вам угождать, старость вашу баюкать, так что вам и умирать не захочется».

Написал Ион письмо, да отправить не с кем. Положил он его за пазуху и носил до тех пор, пока не ранило одного солдата, что с Ионом бок о бок бился. Отпустил генерал того солдата домой, с ним Ион письмо и передал.

Пошёл солдат в родные края. Долго шёл, и застала его как-то в горах ночь. Такая тёмная выдалась эта ночь, что хоть топором её руби, хоть сверлом сверли. Вдруг увидел солдат огонёк. Ну ясно, повернул в ту сторону.

И надо же так случиться, чтобы попался ему по дороге не какой-нибудь дом, где хозяева добрые люди, а дом самой драконши.

Драконша словно почуяла что. Прикинулась доброй да ласковой. Расспросила солдата обо всём: кто такой, да откуда идёт, да куда путь держит. Потом накормила, зелена вина три чары поднесла и на мягкое спать уложила.

С того вина разморило солдата, да и дорога нелегка была. Крепко уснул солдат. А драконше только того и надо. Вытащила она у спящего письмо, а взамен другое написала и на прежнее место в суму солдатскую положила.

Встал солдат утром, дальше пошёл. Большой крюк сделал, чтобы другу удружить, письмо в родительские руки отдать. Да лучше бы он Ионин дом миновал!

Взяли отец с матерью дорогое письмецо. В руках его держат, словно сердце сыновье. А развернули — так и залились слезами. В письме вот что было написано: «Батюшка, матушка! Дошла до меня злая весть. Кырмыза — драконова жена — замышляла и меня и вас убить. Доброй да ласковой только прикидывалась. Сложите костёр из девятнадцати возов дров, сожгите эту

нечисть, чтобы пепел от неё по ветру развеялся. А я за то, как вернусь домой, буду вам угождать, старость вашу баюкать, так что вам и умирать не захочется. А не сделаете по-моему, уйду от вас, никогда меня больше не увидите».

Плачут бедные отец и мать. Посмотрят на невестку, на лицо её светлое, и опять заплачут. И Кырмыза плачет, говорит свёкру и свекрови:

— Если муж мой мог про меня такое подумать, так и жизнь мне немила. Делайте, что он велел. Верная жена мужа не ослушается. Старики родители воле сына покорствуют.

Отец и мать слезами обливаются, костёр складывают. А Кырмыза пошла на конюшню попрощаться со своим верным Гэитаном.

Гэитан ей говорит:

— Не плачь, не горюй! Письму не верь, любви своей верь. Всё будет хорошо. Только проси отца и мать, чтобы позволили тебе вместе со мной на костёр взойти. Разгорится пламя, вынь из моего правого уха платок и брось его в огонь. Что дальше будет, сама увидишь.

А старики уже костёр сложили, разжигать стали. И так они плакали около того костра, что дрова никак загораться не хотели.

Наконец загудело пламя, пошло полыхать. Тут Кырмыза и поскакала прямо в огонь на верном коне.

Отец и мать лицо руками закрыли, чтобы не видеть, как их милая невестка в огне сгорит. Но не сгорела Кырмыза. Выхватила она платок из правого уха Гэитана и кинула в костёр.

Вмиг Гэитан взлетел вместе с клубами дыма к самым тучам. Унёс Кырмызу в далёкий край, потом опустился на землю и пошёл тихой рысью. Остановила его Кырмыза у чистого родника. Села она на траву и сказала:

— Ох, Гэитан мой милый, пришла пора моим сыновьям на свет родиться! Где я для них кров найду?

Гэитан отвечает:

— А мне пришла пора умирать. Ничего не бойся, я обо всём позабочусь.

Заржал Гэитан и ударился оземь. Грудь коня стала дворцом с золочёными башнями; голова — столом, уставленным всякими яствами; глаза — двумя лютыми псами, что бегали вокруг дворца, днём и ночью стерегли его. Из шерсти Гэитана вырос сад тенистый с плодовыми деревьями...

Вошла Кырмаза во дворец, легла на пуховую кровать и заснула.

А проснулась — рядом с ней лежат два её златокудрых сына.

Живёт Кырмаза во дворце, сыновей пестует. Сыновья растут не по дням, а по часам, не по часам, а по минутам. Оба красивые, оба статные. Один — вылитая Кырмаза, другой на Иона похож.

Живёт Кырмаза, Иона вспоминает и отца и мать вспоминает, а про лютую драконшу и думки у неё нет.

А драконша рыскала по свету, рыскала, да и нашла ту долину, где Кырмаза поселилась. Прикинулась драконша нищей старушкой, подошла к воротам. Видно ей через ограду, как сыновья Кырмызы в саду играют, а войти она не может — псы злые, что были Гэитановыми глазами, стоят у ворот, зубы оскалили.

Старуха поманила детей, а когда те подошли, вырвала из головы два седых волоса и протянула им.

— Милые ребятки, — сказала она ласковым голосом, — повяжите эти волоски собакам на шею.

Мальчики так и сделали. Превратились волоски в толстые железные цепи, приковали те цепи собак к столбам у ворот. А старуха времени не теряет, побежала ко дворцу. Скачут псы, мечутся, хрипят от ярости. Старуха уже за дверную ручку ухватилась. Тут рванулись собаки изо всех сил, лопнули железные звенья. Так и вцепились псы в старуху.

Вмиг слетело с неё доброе обличье. Сделалась она снова драконшей. Выбежала Кырмаза на крыльцо, сразу поняла, что это драконова мать погубить её хотела.

Тут и лопнула ведьма от злости.
Сволокли её псы на гору:
Пусть валяются ведьмины кости —
Только там им валяться впору,
Чтоб их градом побило,
Чтобы ливнем мочило,
Чтобы солнцем палило,
Чтобы ветром сушило,
Чтоб развеялась чёрная злоба,
Чтоб ни крышки ей там, ни гроба.

Посейчас ещё кости драконши на вершине той горы лежат.
Не верите — влезьте да посмотрите!

Всё ты, сказка, про Иона забываешь! А Ион тем временем
вернулся с войны, подъехал на коне к своему двору. Кличет
жену:

— Выйди, Кырмыза! Выйди, голубка, мужа встретить!

А как Кырмызе откликнуться, если она за тридевять земель
от дома?!

Вышли отец и мать, услышав голос сына. От радости и от
горя заплакали. От радости, что сын вернулся, от горя, что нет
с ними милой невестки.

А Ион про жену спрашивает. Всё рассказали старики и пись-
мо дали прочитать. Тут Ион, не заходя в дом, повернул коня
и поехал по белу свету искать свою Кырмызу. Родителям с сед-
ла крикнул:

— Не я то письмо писал. Пока не найду Кырмызу, не ждите
меня!

Где Ион побывал, какие страны повидал — долго рассказы-
вать. Да и не к чему. Только скажем, что изъездил он всю землю
два раза вдоль да два раза поперёк, разве что на дно морское не
спускался. Никто про Кырмызу не слышал, никто её не видал.

Отчаялся Ион, нет у него больше силы. Отпустил он по-
водья, дал коню волю, пускай идёт куда хочет. А конь повесе-
лел, потрянул гривой и поскакал. Долго ли, коротко ли скакал,

а принёс Иона в прекрасную долину, к ограде дворца с золотыми башнями.

Из ворот выбежали два пса, один стал у левого стремени, другой у правого. Один пёс зарычал, другой залаял — не дают Иону с дороги свернуть. Так и направили коня к крыльцу.

Выглянули в окно два мальчика, закричали:

— Мама! Мама! К нам гость приехал!

Тут и Кырмыза в окно посмотрела.

— Ох, сыночки, да ведь это ваш отец!

Выбежала она на крыльцо, обняла Иона.

— Э-гей, Кырмыза! — сказал Ион. — Весь я свет объездил, пока тебя разыскал.

А Кырмыза отвечает:

— Ах, Ионеле дорогой, то-то тебя сыночки так долго ждали!

Взяла Кырмыза мужа за руки, ввела во дворец. Сели они там за стол, уставленный яствами. Не столько ели, сколько друг на друга любовались. Не столько пили, сколько один другому рассказывали.

Три дня и три ночи говорили — наговориться не могли. Наконец сморил их сон.

А проснулись они на мягкой траве, у чистого родника. Стоит над ними волшебный Кырмызин конь Гэитан. Тихонько зовёт хозяйку в путь собираться. А рядом стоит конь Иона, копытом в землю бьёт.

Вскочили Ион и Кырмыза в сёдла, каждый перед собой сына посадил. Кырмыза — того, что на Иона был похож, а Ион — того, что лицом вылитая Кырмыза.

Приехали они домой к старикам родителям и зажили все в мире и дружбе. Может, и сейчас живут, если не умерли.

Оседлал я палочку,
Не хуже Гэитана скакалочку.
Поскакал я на ней по свету
Рассказывать сказку эту.

ГОРШОК С ЗОЛОТОМ

Жил человек — ни бедный ни богатый. Был у него дом под черепичной крышей, была земляца, водилась и скотина.

Жена его давно умерла, и растил он один трёх сыновей годовиков, что, как молодые дубки, один другого в росте догоняли.

Выросли сыновья, а человек состарился. Вот старик и говорит детям:

— Пора вам собственным умом жить. Берите хозяйство в свои руки. Пока вы неразумными были, я за вас думал. А теперь пришло время вам самим за себя отвечать.

— Хорошо, — согласились сыновья. — Отдыхай. Мы твою старость покоить будем.

Всё отдал сыновьям старик, только собаку себе оставил. Раньше он с ней на охоту ходил. Привык очень к собаке, и собака его любила.

Не много времени прошло, женились два старших сына, своих жён в дом привели.

Женщины как женщины — и с лица красивые, и работы не боятся. А не стало старику житья, да и только. И не то что они его каждым куском попрекали. Просто он на них никак угождать не мог. Сядет старик на лавку, а снохе как раз на это место квашню поставить хочется. Залезет на печку, а другой снохе надо туда зерно для просушки насыпать. Выйдет к завалинке, на солнышке погреться, — обе снохи в лад ворчат: почему без дела прохлаждается. Возьмётся за дело — опять ворчат, что не так дело делает.

Младший сын за отца вступится, старшие обижаются.

— Сначала женись, — говорят, — да свою жену учи!

Невестки и тут в долгу не остаются:

— Только нам третьей невестки не хватало! Пусть и не пробует жениться. И его и жену его выгоним!

Такой крик поднимается, что хоть из дому беги.

Терпел-терпел старик, видит — что дальше, то хуже. Уже снохи его куском хлеба попрекать начали. Младший сын тайком от невесток старается старика накормить. Да только и ему самому не жирные куски достаются.

Вот однажды утром свистнул старик своего пса и пошёл прочь со двора, где всю жизнь прожил.

Шёл-шёл и забрёл в лес. А в том лесу шалашик стоял. Выглянул из шалашика старец — такой же, как наш старик, только ещё постарше. Даже борода зеленью взялась.

Спрашивает старец старика:

— Куда идёшь?

— Куда глаза поведут, — отвечает старик.

— Значит, плохи твои дела. Садись вон на пень, Расскажи мне своё горе.

Ну старик про всё и рассказал.

Старец говорит:

— Твоя беда ещё не беда.

Полез он в шалашик, вынес глиняный горшок, насыпал туда земли и дал старику:

— Вот с этим проживёшь у снох в ласке да холе до самой смерти.

Удивился старик. А старец вынул из-за пазухи несколько золотых монет и прикрыл землю в горшочке.

— Только не забудь снохам сказать, — говорит, — что горшочек этот после твоей смерти им достанется.

Вернулся старик домой, показал снохам горшочек. У баб так глаза и заблестели, руки к горшочку сами потянулись. А старик говорит:

— Ваше, ваше будет, только смерти моей дождитесь.

И что вы думаете — будто подменили снох. Наперебой старику угрождают.

Одна говорит:

— Батюшка, идите на солнышке погреться!

Другая говорит:

— Солнышко уже нынче не так греет, идите лучше на печке полежите. Я её жарко натопила.

Мир и лад в доме. Всем хорошо жить стало. Иной раз и крикнула бы какая-нибудь из снох, а глянет в угол, где заветный стариков горшочек стоит, да и прикусит язык. А то, не ровён час, возьмёт свёкор-батюшка и отдаст горшок другой снохе.

Как-то в летний денёк отправился старик опять в лес, чтобы тому старцу спасибо сказать. Пришёл к шалашику, а шалашик пуст, заброшен и тропинка к нему травой заросла. Видно, умер старец.

Не много времени после того прошло, и наш старик сложил на груди руки, закрыл глаза навеки. Похоронили его честь честью. А как вернулись с кладбища, обе снохи бросились к горшочку. Платок на столе расстелили, чтобы вытряхнуть из него

золотые монеты, пересчитать и поделить. Только не много каждой досталось. Ведь в горшке золото лишь сверху лежало, а под ним песок да земля.

Рассердились снохи, на мужей накнулись:

— Обманул нас старик! Да ещё собаку на нашей шее оставил. Убирайте пса куда хотите!

— Чем вам пёс мешает? — спрашивает младший сын. — Разве только тем, что, глядя на любимую отцову собаку, вспоминаете, как вы старика поедом ели.

Что тут поднялось! Раскричались невестки так, что даже охрипли. Твердят одно:

— Уведи собаку в лес и убей там. А не сделаешь по-нашему, и сам домой не возвращайся.

Взял младший сын верёвку, повязал на шею собаке и пошёл с ней в лес. Всё ему вспоминается, как отец этого пса любил.

«Как же я его убью? — думает. — Нет, не поднимется у меня рука».

Идёт он по лесу, вдруг видит — стоит под елью шалашик. Пустой, заброшенный, и тропинка к нему травой заросла.

А уже вечереть стало.

— Переночую в шалашике, — сказал себе парень. — А утром видно будет, что дальше делать.

Привязал он собаку к ёлке, сам в шалашик забрался и заснул крепким сном.

На ранней зорьке проснулся парень, смотрит — собака под корнями ели большую яму выкопала. А в той яме горшочек. Точно такой, как у отца был. Наклонился парень, поднял горшочек — тяжёлый! Глянул — в нём золотых монет полно.

Тут парень свистнул собаку и повернул домой.

Издали увидели его невестки, за ворота выскочили:

— Велено тебе было собаку убить, а ты её назад ведёшь!

А парень идёт к дому, будто не слышит брани. Во дворе только повернулся к невесткам и говорит:

— Вот что собака в лесу вырыла!

И показал горшочек.

Невестки ещё сильнее забранились:

— Видали мы уже такой горшочек, песком да землёй нас не проведёшь!

— Ну не хотите, не надо, — отвечает им парень.

Снял шапку и пересыпал в неё монеты из горшочка. Зазвенели монеты, заблестело червонное золото. И у невесток глаза заблестели.

— Братик ты наш родной! — сказала одна сладким голосом. — Устал ты, верно, садись на лавку, я тебе обед подам.

— А я собачку накормлю, — подхватила другая. — Ишь какой пёсик умильный.

Парень только засмеялся да рукой махнул:

— Нет уж, знаю я цену вашему сердцу. То не доброта, что за золото покупается. Живите сами как вздумается. А мы с верным псом поищем счастья в другом месте.

И пошёл парень прочь, распевая песни. Пёс за ним побежал — ушки на макушке, хвост калачиком.

ПАУК И ПЧЕЛА

Рассказывают, что давным-давно, когда на свете даже деды наши ещё не жили, паук и пчела были братом и сестрой, детьми одной матери.

Пока дети малыми были, мать кормила их и поила, а выросли — и ушли из материнского дома. Паук за ткацкий станок сел, а пчёлка в поле трудилась.

Однажды сидел паук у станка и ткал свою ткань — лёгкую, как облако в летний день, мягкую, как осенний лист на виноградной лозе, шелковистую, как весенняя трава на лугу.

Вдруг влетает к нему майский жук. Видно, много дней он был в пути, едва дух переводит.

— Скорее собирайся в дорогу, — сказал жук. — Твоя мать при смерти. Последнее её желание — повидать перед смертью дорогих детей: тебя и мохнатую пчёлку. Садись ко мне на спину, полетим. Да поторапливайся... Каждая минута дорога.

Но паук даже лапкой не шевельнул.

— Ну это старая песня, — сказал он спокойно. — Ещё неизвестно, умрёт матушка или не умрёт. Может, только постонет, поохает, а там, гляди, и поправится. Уж сколько раз так было. Не бросать же мне каждый раз работу. Вот если бы наверное знать, что помрёт, — ну тогда другое дело!

— Что же я скажу твоей бедной матушке? Ведь она спросит, почему тебя нету около неё?

— Так и скажи, что я, мол, занят и что работа, мол, не ждёт, — сказал паук. — А умереть матушка и без меня сможет. Ну теперь проваливай, не мешай мне. И так сколько времени с тобой даром потерял!

И паук снова принялся ткать лёгкую шелковистую ткань, тоньше которой ничего нет во всём свете.

А майский жук полетел разыскивать пчёлку.

Услышала пчёлка, что мать её при смерти, и сама от горя чуть не умерла. Жуку пришлось даже брызгать на неё водой, чтобы она очнулась. Наконец силы снова вернулись к ней.

Она проворно облизала свои лапки, на которые налип пахучий сладкий мёд, и, не раздумывая долго, полетела за майским жуком. Да так быстро, что даже обогнала жука, — очень уж она торопилась застать в живых дорогую матушку.

Как обрадовалась старая женщина, когда увидела около своей постели ласковую дочь-пчёлку! Она нежно поцеловала её и слабым, еле слышным голосом сказала:

— Спасибо тебе, дочь моя! Пусть твои дети любят тебя так же, как ты любила меня. Да умножится род твой, и не будет ему числа — как траве полевой, как листьям на деревьях, как

песчинкам на морском берегу. Майские цветы будут встречать тебя с улыбкой, и ноша твоя всегда будет полна. А люди будут всегда благодарить тебя за мёд, слаще которого нет ничего на свете.

Так сказала мать своей дочери.

А своего сына умирающая не дождалась.

— Пусть живёт всегда один, — чуть слышно сказала она. — Пусть вечно будет ткать свою ткань. Но никому она не будет нужна, никого не украсит, никого не порадует. Все будут только рвать её и проклинать того, кто её соткал. Даже злым мухам будет она ненавистна. Пусть исполнятся мои слова!

Тут бедная женщина закрыла глаза и умерла.

С тех пор дружные пчёлки всей семьёй, всем роем собирают на полях душистый мёд, и люди всегда поминают их добрым словом, потому что нет на свете ничего слаще сладкого пчелиного мёда.

А ткач-паук — всегда один, в тёмном углу, плетёт свою паутину. Но едва только человек увидит её — он рвёт паутину в клочья, а паука гонит вон, норовит его поймать и убить. Даже злые мухи ненавидят паука и проклинают его, запутавшись в сотканной им паутине.

Так сбылись слова бедной матери.

БАРИН И ПОВАР

Жил на свете барин. Барин как барин. Не хуже других и не лучше.

Однажды собрался он покататься в своей новой коляске, да, перед тем как выехать, позвал повара и приказал ему зажарить к обеду гуся.

— Только смотри не толкнул бы тебя грех съесть хоть кусочек этого гуся! А не то знаешь что будет? Велю связать тебя, словно мешок с сеном, и бить, пока ты, как лягушка, к земле не прилипнешь. Понял?

— Понял, барин.

— Так вот, намотай это себе на ус. И чтобы гусь был готов как раз к моему возвращению, и чтобы не подгорелый был и не жёсткий, не горячий и не холодный, а такой, чтобы во рту таял и чтобы душа радовалась. Понял?

— Понял, барин.

Барин уехал, а повар взялся за гуся. И уж так зажарил его, что не придраться. Со всех сторон гусь зарумянился. Корочка на нём золотистая. Поглядеть — так прямо слюнки текут.

Не удержался повар — видно, толкнул его грех под руку, — отрезал он одну гусиную ножку и съел.

А барин вернулся с прогулки и велел подавать обед. Уплетает он гуся за обе щёки и вдруг видит — второй-то ножки у гуся нет!

От злости барин чуть не лопнул.

— Ах, вот ты какой! — кричит он на повара. — Ладно же, проучу я тебя, да так, что тебе звёзды зелёными покажутся! Ведь я, кажется, запретил тебе есть гуся? А?

— Запретил, барин.

— Так как же ты посмел целую ножку съесть?

— А я и не ел, барин!

— Как это не ел? А где у гуся вторая ножка? — кричит барин. — Кто вторую ножку съел, чтоб тебя самого черти съели?!

— Да что ты, барин, гусь-то ведь одноногий!

Барин прямо из себя выходит:

— Ты что голову мне морочишь! Где это видано, чтобы гусь одноногий был?

— А вот пойдём к пруду — сам и увидишь!

— Пойдём, — говорит барин, — только если ты наврал, так знаешь что с тобой будет? Да я... Да я сам не знаю, что я с тобой сделаю!

Пришли они к пруду, где паслись гуси.

А день был жаркий, солнце так и палит. Гуси вошли в воду, на одной ноге стоят, другую под брюшко подобрали и щиплют на себе перья.

— Ну что, барин, видишь, чья правда? — спрашивает повар. — У гуся-то одна нога.

— Ах ты мошенник! — кричит барин. Замахал он руками да как зашипит: — Пшт!.. Пшт!..

Гуси испугались, шлёп второй ногой в воду и разбежались по берегу кто куда.

— Ну, чья правда? — спрашивает барин. — Сколько у гуся ног?

А повар в ответ:

— Так надо было, барин, и тому гусю, жареному, крикнуть: пшт!.. И он со страху высунул бы вторую ногу!

Барин даже глаза вытаращил. Стоит — слова сказать не может, словно подавился этой самой гусиной ногой.

МАРКУ БОГАТЕЙ

Сказывают, что жил когда-то человек по имени Марку. И таким он был богачом, что его иначе и не звали, как Марку Богатей. Был у него дом, не хуже царского дворца, и столько земель, что в этом краю хоть в лес пойди, хоть на поля погляди, хоть лугами залюбуйся — всё его, всем Марку Богатей владеет. И виноградники, и баштаны, и сады плодовые, и стада неисчислимые — над всем один хозяин: Марку Богатей!

Не хватало Марку Богатею только наследника, чтобы было кому богатства оставить. Ждал Марку сына, а родилась у него дочь. Да всё равно устроил Марку превеликий пир. Сколько баранов зажарили, сколько пирогов напекли, мы не считали.

А только столы под яствами и винами чуть не подламывались. Всех богачей со всей Молдавии созвал Марку Богатей, а у ворот ещё двух сторожей поставил. И так им наказал:

— Если проедет кто в коляске, заворачивайте коней ко мне во двор. Пускай те проезжие дорогими гостями будут. А если бедняк явится — пеший ли, конный ли, — гоните в шею. Мне на пиру рвани не надо!

Вот уже и пир начался, а сторожам делать нечего. Богачи все съехались. Бедняки и сами к Марку Богатею не идут, знают, чем их хозяин приветит, — либо пинком, либо бранным словом.

Но вот под вечер, в ту пору, когда день с ночью мешается, подошёл к воротам старик. Одежда на нём бедная, изодранная, видно, издалека пришёл, притомились у него ноги, чуть от ветра старый не качается.

— Куда лезешь? — крикнул один сторож.

— Поворачивай назад, — сказал второй.

— Ох, сыночки, устал я, изголодался. Мне бы хлеба краюху да крышу над головой, чтобы хоть до утра перебыть...

Тут как раз Марку Богатей на крыльцо вышел и закричал:

— Эх ты, голь перекатная, или тебе зуботычины захотелось! А вы чего смотрите, гоните его в три шеи!

Сторожа говорят тихонько старику:

— Уйди от греха подальше. Сам понимаешь — мы люди подневольные.

Старик и пошёл прочь. Три шага ступил и обернулся. Видит — Марку Богатей на крыльце стоит, вслед ему с насмешкой смотрит. Тут старик и погрозился:

— Подожди, Марку Богатей, я с тобой разочтусь. Не раз ты обо мне вспомнишь!

Однако ночь надвигается, ночевать где-то надо. Постучался старик в дверь бедной хибары. Вышла на порог хозяйка.

— Вечер добрый, хозяйюшка!

— Добрый вечер!

— А непустишь ли переночевать?

— Пустить-то можно, да боюсь, тебе у меня не понравится. Хата бедная, тесная. Ну, коли не побрезгуешь, так входи.

Что было у женщины, тем и накормила она старика прохожего. Потом спать положила на лавке под окном.

Была та женщина бедной батрачкой, у Марку Богатея целый день на птичнике работала. На свои домашние дела у сна минуты и часы урывала. Мало ли забот у хозяйки — и хлеб поставить, и постирать, и горшки-плошки перемыть... Пока управилась, уже и полночь близко.

Только легла, глаза закрыла, вдруг слышит, будто кто-то по стеклу стучит. Да так звонко, словно серебряным молоточком. Посмотрела, а это звезда с неба спустилась, бьётся об окно.

Приподнялся прохожий старик на лавке, спрашивает:

— Ну что тебе надо?

Зазвенела звезда серебряным и золотым звоном, и складывается тот звон в песенку:

Солнце ушло за море —
Светить оно утомилось.
И вот — на счастье иль горе —
Дитя на земле родилось.
Я за него в тревоге,
Хочу у тебя узнать:
По ясной иль тёмной дороге
В жизни ему шагать?

Старик отвечает:

— Судьба ему на двое сулит. Коли целого пожалеет, при дырявом останется. Коли дырявым поделится, сыт будет, а дырявое на веки вечные к Марку Богатею перейдёт.

Сказал так старик и снова на лавку улёгся. А звёздочка стукнула последний раз в оконце и к небу взлетела.

Дивно стало женщине, и страшно, и радостно, как во сне бывает. Лежит она, ночь к середине близится, а ей всё не спится.

Слышит — опять звезда в окно бьётся, словно птица. И звенит свою песенку:

Спят звери, спят вещи —
Сдались ночи на милость.
Слушай весть, вещей,
Дитя на земле родилось:
Я за него в тревоге,
Хочу у тебя узнать:
По ровной иль в ямах дороге
В жизни ему шагать?

Старик поднял голову, ответил звезде:

— И этому судьба на двое выпадает. Коли будет стоять, то пойдёт. А коли пойдёт, будет стоять на месте, пока его Марку Богатей не сменит.

Ещё больше подивилась женщина, и будто спать ей вовсе не хочется. А сморила её усталость, сама не заметила, как задремала. И то ли во сне, то ли наяву опять звон услышала. Открыла глаза — на дворе уже светлеть начало, звенит об окошко звезда, в третий раз песенку поёт:

Предутренний сон сладок.
Но, что бы тебе ни приснилось,
Проснись, толкователь загадок,
Дитя на земле родилось.
Я за него в тревоге,
Хочу у тебя узнать:
По кривой иль прямой дороге
В жизни ему шагать?

Старик сел на лавке и говорит звезде в ответ:

— У этого судьба по одной дороге идёт. В лесу не потеряется, в воде не утонет, медвежья лапа его смерть разорвёт, ему счастье принесёт. Всё богатство Марку Богатея ему достанется.

Сверкнула звёздочка — и нет её больше.

А тут и совсем рассвело, вставать пора. Поднялась женщина, и старик поднялся. Попрощался с хозяйкой, спасибо сказал и пустился в путь-дорогу. А куда, в какие края, далеко ли, близко ли — ему одному ведомо.

Куры, утки да гуси с зарёй спать устраиваются, с зарёй и просыпаются. Пospешила женщина на птичий двор. Корм птице задаёт, водой их поит, а сама всё вспоминает, что ночью видела, что слышала. Бабы такой народ — всякая новость у них так на язык и просится. Рубит женщина траву птице, руки работают быстро, а язык ещё быстрее. Рассказала она своей помощнице и про звезду, и про старика прохожего, и про тёмные его предсказания.

И надо же, чтобы Марку Богатей как раз в ту пору пошёл с обходом по хозяйству. Проходил мимо птичника, услышал своё имя и остановился. От первого слова до последнего всё выслушал.

Что не понял, то не понял. А что понял, то ему в душу запало. Гости ещё не все разъехались — он о гостях не думает. Бабаки спрашивают, за какую работу приниматься — он только рукой машет. Грызёт его тоска и досада: как это так — всё его богатство чужому достанется!

Думал он, думал и вот что надумал: надо разослать по округе слуг, пусть разузнают, в чьём доме нынче на рассвете мальчик родился.

Слуг у Марку Богатея немало — доносят ему, что у Некулая Бедняка, у которого и без того двенадцать детей, нынче на рассвете родился мальчик.

Марку Богатей мешкать не стал, сразу поехал к Некулаю Бедняку.

— Мэй, Некулай, отдай мне младенца, — сказал он. — У меня сына совсем нет, а у тебя детей слишком много. Будет он мне опорой на старости лет. А вам от этого честь большая.

— Как это своего ребёнка отдать?! — отвечает Некулай. — Хоть и тринадцатый, да не лишний.

— Я за него кошель золота дам, — говорит Марку Богатей.

Подумал-подумал Некулай и сказал:

— Я бы не прочь, да не знаю, что жена скажет.

Жена Некулая заплакала, младенца к груди прижала.

Марку Богатей ей говорит:

— Вижу — любящая ты мать, да не хорошая. Для себя бережёшь, а о счастье сына не думаешь. У тебя он в нужде вырастет, нужду и в наследство получит. У меня в довольстве жить будет, сыт, одет, обут, в тепле да в холе.

Женщина ещё пуще заплакала. Однако запеленала дитя в тряпицу и отдала Марку Богатею.

Взял он ребёнка, будто дорогой убор из самоцветов и листового золота, что ни помять, ни уронить нельзя. К груди прижал, побаюкал, да с тем и уехал.

Смотрят ему вслед родители, сквозь слёзы радуются — в добрые руки попал их сын.

А Марку едет и думает: «Ну теперь - то ты мне в руки попался, названный наследник! Живым не выпущу!»

Хотел было придушить младенца, а потом подумал: «Зачем грех на себя брать? Оставлю в лесу. Либо звери его съедят, либо сам с голоду помрёт!»

Так и сделал Марку Богатей. Положил дитя в лесу под кустом, от дороги подальше. Хлестнул лошадей и с лёгким сердцем поехал домой.

А немного погодя по той же дороге ехали батраки Марку Богатея, везли ему дрова на зиму. Да один из батраков кнут потерял — нечем ему волов погонять. Почуяли это волы, перестали его слушаться. Что хочешь делай — то стоят на месте, а то и вовсе с дороги свернут, травы пощипать.

— Э-гей, — сказал батрак, — видно, с вами без погонялки не сладишь.

Слез с воза, да и пошёл в чащу, чтобы добрый прут срезать. Вдруг слышит, будто котёнок мяукнул. Посмотрел, а под ку-

стом лежит спелёнатый ребёнок. Батрак и о пруте забыл, под-
нял дитя и вынес на дорогу.

Собрались вокруг другие батраки. Одни смеются, остальные удивляются. Все вместе судят, кто же это в чаше младенца бросил! А тот, кто нашёл ребёнка, рад-радёшенек. Тридцать лет он с женой прожил, а детей так и не дождался.

— Бывает, что и злое дело добром оборачивается, — говорит батрак. — Вот у нас с женой и сыночек!

Поехали дальше. Гей, гей! Цоб, цабэ! Завертели во двор к Марку Богатей, начали дрова в поленницу складывать. Только один батрак в стороне стоит, младенца колыхает. Остальные батраки на него не обижаются, рады его радости, как своей.

Кончили складывать поленницу, пошли все в людскую — узнать, какую им работу Марку Богатей дальше задаст. Все хозяина слушают, а старый батрак то и дело в окошко поглядывает — младенца он на телеге оставил.

— Мэй, — сказал Марку Богатей, — чего ты в окошко глядишь? Может, богатство там увидел, так оно не твоё, а моё.

Один из батраков будто в шутку и говорит:

— Ох, хозяин, у него и вправду клад на телеге лежит, не беднее твоего богатства.

— Какой такой клад? — спрашивает Марку Богатей.

— А он опору своей старости в лесу под кустом нашёл. Кто-то ребёночка бросил, он и подобрал.

Марку Богатей с лица переменился:

— Тьфу, побей тебя градом. Везёт же человеку. И не искал, да нашёл, а я ищу — не нахожу. Продай мне ребёнка.

— Нет, хозяин, — покачал головой старый батрак, — найденное счастье не продают.

— Да я тебе денег отвалю, не пожалею.

— Не надо мне денег.

— Ох, не выводите меня из себя! — сказал Марку Богатей. — За чужое держись, гляди как бы своё не потерял. Останешь-

ся с женой да с приёмышем к зиме на улице, и без работы, и без крова.

Что батраку делать? Видно, кто богат, тот и силён. Отдал он Марку Богатейу найдёныша.

А Марку Богатей в тот же вечер положил младенца в бочонок, забил дно крепко-накрепко и бросил тот бочонок в реку.

Повернулся бочонок на тихой воде, поплыл, колыхаясь, к середине реки. А там его быстрина подхватила и понесла вниз по течению.

Марку Богатей плюнул вслед бочонку и сказал:

— Пропади ты пропадом! Раньше эта река вспять потечёт, чем ты живым мне на глаза попадёшься!

Бочонок плыл да плыл. И, когда завернула река от крутых обрывов излучиной, вынесла вода бочонок в тихую заводь и осторожно на отлогий берег положила.

В той излучине стояла сукновальня. Вышли сукновальщики воды набрать и увидели бочонок. Прикатили его домой, выбрали дно, смотрят — там мальчик лежит.

Стал мальчик у них жить, всем мастерам полюбился. А как подрос, принялись они его к делу приучать. Учили мальчика, учили, а потом самим же у него учиться пришлось. Такой толковый парень, что самых лучших мастеров превзошёл. Сукна из-под его рук мягче и прочнее выходили, чем у всех других.

Скоро прославилась сукновальня по всей Молдавии. Только сюда и ездили сукна покупать. Прослышал о сукновальне и Марку Богатей. У кого что хорошее, и ему надо. Как же от других отстать!

Ездил он как-то по своим делам, да и свернул в сукновальню. Приехал, накупил сукон.

— Хороши, — говорит. — Где вы такого мастера достали? Смеются суконщики.

— Мастер к нам сам приплыл, — отвечают.

— Из заморских стран? — спрашивает Марку Богатей.

— Чтобы сказать из заморских, так вроде бы и нет. А из каких краёв — неведомо. Лет двадцать назад принесла река бочонек, а в бочонке младенца. Вот он мастер и есть.

Задрожали колени у Марку Богатей. Стал он упрашивать суконщиков, чтобы уступили они ему этого мастера. Марку-де Богатей сам сукновальню хочет поставить. Десять кошелёй золота на стол высыпал. Не устояли суконщики, сказали: если согласится сам мастер, отпустим.

Позвали они молодого мастера.

Марку Богатей ему говорит:

— Пойдёшь ко мне жить?

— Пойти-то пошёл бы, свет охота повидать... Да жалко с названными родителями расставаться.

— Ты и мне вместо сына будешь, — сказал Марку Богатей.

И такое ему райское житьё посулил, что старые мастера молодого сами уговаривать принялись.

Ну тот и согласился.

— Что ж, — говорит Марку Богатей. — Сразу же и собирайся. Мне кое-куда по делам съездить надо. Напишу я письмо жене, чтобы тебя приняли да приветили, как ты того стоишь. А скоро и сам вернусь.

И написал Марку Богатей такое письмо: «Супруга моя верная, исполни мою волю в точности. Того, кто это письмо передаст, вели слугам замуровать в глубоком погребе. Это враг мой заклятый, злодей великий, нашего богатства погубитель. Коли ослушаешься, страшен будет мой гнев — тебя саму в том погребу замурую!»

Написал письмо, запечатал печатью и отдал молодому мастеру. Тот письмо за пазуху положил, попрощался с суконщиками и в путь отправился. Марку Богатей в другую сторону поехал.

Шёл парень, шёл. А путь лежал через лес. Слышит — в стороне треск стоит да гудение раздаётся. Свернул он с доро-

ги посмотреть, что там делается. А это медведь к дуплу подобрался мёд воровать. Пчёлы кружат, жалят медведя. Да разве прокусишь такую шкуру! Застревают жала в лохматой шерсти, а пчёлы мёртвыми падают. Медведь знай себе отваливает пласты коры да куски дерева, чтобы дупло расширить, до мёду добраться.

Тут из глубины дупла взмолилась к парню пчелиная царица:
— Вызволи нас из беды. Не дай разбойнику детей наших погубить. А к тебе придёт беда — может, и мы тебе пригодимся.

Пожалел парень пчёл. Выворотил из земли молодой дубок, да и огрел косматого по голове. Медведь взревел, бросил дупло и на парня кинулся. Стали они биться. Только видит медведь — не справиться ему с человеком. Опустился на все четыре лапы и удрал в чащу.

Глядит парень — порвана рубаха и письмо, что Марку Богатей написал жене, в клочья медвежьими когтями изодрано.

— Эх, косолапый, что ты натворил! — почесал затылок парень. — С чем же я теперь в чужой дом явлюсь?! Ну да ладно, не поворачивать же назад!

Пришёл он в дом Марку Богатея, поклонился его жене и дочке поклон отвесил. Потом говорит:

— Прислал меня хозяин с письмом. Да вот подрался я по дороге с медведем. Медведя-то я одолел, а письмо он на клочки порвал.

— А что в письме было? — спрашивает жена Марку Богатея.

— Не знаю.

— Ну а говорил он тебе что-нибудь?

Парень отвечает:

— К себе звал жить. Говорил, что я ему вместо сына родного буду.

Жена Марку Богатея и приняла его, как родного сына.

Живёт парень день, живёт два. Марку Богатей всё не едет.

И так тот парень полюбился всем — сказать невозможно. А больше всех понравился он Марковой дочке. Вот она и говорит матери:

— Матушка, если батюшка его сыном назвал, так не иначе как он мне его в мужа прочит.

— А ведь и верно, дитяtko, — отвечает мать. — Как это я раньше не догадалась!

— Маменька, — ведёт своё дочка, — должно быть, в том письме наказывал батюшка обвенчать меня с женихом моим милым.

Жена всполошилась:

— Ох, ах, да как бы мужу угодить, не припоздниться со свадьбой!

И захлопотала.

А парню длинные косы да ласковая улыбка Марковой дочки с первого взгляда в сердце запали.

Сыграли свадьбу, справили честь честью.

Тут Марку Богатея и вернулся. Узнал обо всём, позеленел от злости. Позвал он парня и говорит ему:

— Ну вот что! Я тебя в зятя не звал. Вкрался ты ко мне в дом обманщиком! Могу тебя прогнать, могу оставить. Если любишь мою дочку, так слушай: ступай ты неведомо куда, найди неведомо кого — того кто твою судьбу предсказал. И расспроси о моей судьбе. А без этого не возвращайся.

Что парню делать? Отправился он неведомо куда искать неведомо кого. Вышел со двора Марку Богатея, нагнулся, захватил горсть мякины, что с воза просыпалась, и пустил мякину по ветру. Куда она полетела, туда и он пошёл.

Лёг его путь как раз через лес, где он с медведем дрался. Добрёл он до дерева с дуплом и сел под ним отдохнуть. Сидит, задумался, голову свесил.

Вдруг подлетела к нему пчела и заговорила с ним. Голос у неё точно человеческий, только тоненький.

— Наша царица, — говорит пчела, — велела тебя спросить, почему ты голову свесил, будто у тебя беда какая.

— Беда и есть, — отвечает парень.

И рассказал всё пчеле.

Пчела покружилась над ним и полетела в дупло. Скоро или не скоро вернулась назад. Держит она в лапках шарик из воска.

— Вот, — говорит, — возьми. Это тебе прислала наша пчелиная царица за то, что ты пчелиный народ от гибели спас. Брось этот шарик перед собой и иди за ним, не отставай. Приведёт он тебя, куда велено, к кому нужно. А там и сам узнаешь, что делать.

Поблагодарил парень пчелу, вышел на дорогу и бросил шарик на землю. Катится шарик, парень за ним идёт.

Весь день парень идёт, а начнёт смеркаться, не станет видно шарика — тут и заночует. С рассвета опять в путь пускается.

Сколько он так дней шёл, сколько ночей ночевал, парень не считал и мы не знаем.

Идёт он как-то, смотрит — стоит хата при дороге. И вот диво — всё пчелиный шарик прямо катился, никуда не сворачивал, а тут свернул к той хате, у порога остановился. Перешагнул парень порог, видит — сидит за столом человек. Молодой ещё, вроде однолеток нашему парню, а худой до чего — одна кожа да кости. На столе перед человеком миска, в руке — ложка. Зачерпнёт человек полную ложку, да, пока ко рту поднесёт, вся похлёбка из неё выльется — ложка-то дырявая. Так ему в рот ничего и не попадает. Увидел человек нашего парня, затрясся весь от злости и закричал:

— Убирайся вон, попросайка! Много вас тут ходит!

— Да что ты?! — говорит парень. — Мне от тебя ничего не надо. Я свой хлеб ем.

Подобрил человек:

— Коль не просишь, так скажи — куда идёшь? За чем путь держишь?

— Иду неведомо куда, ищу неведомо кого — того, кто судьбу мою предсказал. А велено мне узнать у него про судьбу Марку Богатея.

Стал тогда просить хозяин гостя:

— Если дойдёшь неведомо куда, найдёшь неведомо кого, узнай и про мою судьбу. Долго ли мне так мучиться — перед полной миской сидеть, а голодным оставаться. Уже три года я сыт не бывал, с тех пор как нищую старуху от ворот прогнал.

Пообещал парень его просьбу выполнить и дальше пошёл. Восковой шарик перед ним покатился.

Катится шарик — парень идёт и идёт.

Дошёл до развилки трёх дорог. Стоит у самой развилки полосатая будка, а перед будкой — на часах молодой солдат.

— Стой, куда идёшь? — закричал солдат и ружьё на изготовку взял.

Парень всё как есть рассказал, потом сам спросил:

— А ты что в чистом поле один, как тополь, стоишь? Кто тебя тут поставил?

Вздыхнул солдат:

— Кабы знал, таить бы не стал. Не всегда тут тихо было. Три года назад собрались две рати — наша да турецкая. С вечера к бою готовились, к ночи спать легли, а наутро сражение начинать... Выставили обе стороны часовых: на той стороне турок усатый, на нашей стороне новобранец безусый. Соскучился новобранец по родному дому, по отцу с матерью. И ушёл с поста. Заметил это, должно быть, усатый турок, разбудил своих, и двинулись они на нас — тихо, словно туча, что гром в себе таит. Много наших тогда полегло.

— Своего долга не выполнить — распоследнее дело! — сказал наш парень. — А ты-то при чём?

— Да ведь я тот самый часовой и есть. После сражения подхватила меня неведомая сила, унесла из родимого дома, поставила на развилке дорог и будто приковала ноги к земле. Стою

уже три года, с места сойти не могу. Если дойдёшь неведомо куда, найдёшь неведомо кого, спроси и о моей судьбе — долго ли мне стоять?

— Ладно, — пообещал парень и дальше пошёл.

Проходил он города, проходил сёла и зашёл в такие места, где не то что жилища людского, а и следа человеческого не бывало.

Парень удивляется — куда это шарик его завёл да куда ещё заведёт? Однако шагу не убавляет.

Вкатился шарик в горы, покатился по ущелью глубокому и подкатился к тёмной пещере. Тут и остановился.

Вышел из пещеры седой старик и сказал:

— Здравствуй, крестничек! Знаю, зачем ты пришёл, я давно тебя поджидаю.

— Ведь я к тебе и спешил. Нигде не останавливался. Только два раза задержался.

— И про это мне ведомо, — говорит старик.

— Тогда, может, ты скажешь мне, крёстный, чем несчастные могут свою участь переменить?

— Что заслужили, то и получили. Ну да, если ты за них просишь, помогу им. Они тебе вроде побратимов — вы все в одну ночь родились. Так вот! Тому, кто с ложкой, скажи: коли дырявым поделится, сыт будет. Тому, кто с ружьём стоит, передай: сменит его тот, кто ружьё у него из рук возьмёт да на его место станет. А Марку Богатею отдай пчелиный шарик и вели, чтобы сам ко мне шёл. Дорогой он свою судьбу узнает. Теперь иди назад, ни о чём не беспокойся, всё у тебя хорошо будет.

Поклонился парень крёстному и пустился в обратный путь. То ли ноги его быстрее идут, то ли путь короче стал, а только за час проходит он теперь сколько раньше за день проходил.

Вот и будка полосатая, и солдат на страже у будки стоит. Рассказал ему парень всё, что сам узнал.

— Спасибо тебе, побратим, — говорит солдат, — теперь мне и стоять полегче будет.

Пошёл парень дальше. День не кончился, а уж он до хаты при дороге дошёл.

Опустил ложку голодный человек, смотрит на парня с надеждой.

Передал ему парень, что старик велел. Задумался тот, потом говорит:

— Всё я понял. Так и сделаю и всегда делать буду. Счастливой тебе дороги, побратим.

Теперь уж парень нигде не останавливался, никуда не сворачивал, пока до дому Марку Богатея не дошёл.

Выбежала ему навстречу молодая жена, обрадовалась, что муж живой, здоровый домой вернулся. Столько слёз она по нём пролила!

А Марку Богатей увидел зятя, сам не свой стал.

Парень ему говорит:

— Что ты мне загадал, то я исполнил. Пошёл неведомо куда — не заблудился. Отыскал неведомо кого — не испугался. Приказано тебе вот этот шарик отдать.

И отдал Марку Богатею пчелиный шарик. Потом дальше стал говорить:

— Ещё велел тебе старик, мой крёстный, сказать, чтобы ты сам к нему шёл. Дорогой свою судьбу узнаешь.

Затопал Марку Богатей ногами, закричал:

— Ах ты нищее отродье, хитростью задумал меня из дому выманить, моим богатством завладеть! Так не будет этого! Никуда я не пойду. И шарик мне твой не надобен.

Размахнулся Марку Богатей и отшвырнул пчелиный шарик.

Зажужжал шарик, словно пчёлка, и покатился. Марку Богатей, будто на привязи, за ним пошёл. Не хочет идти, всё назад оглядывается, а ноги его сами вперёд идут.

Чтобы не рассказывать долго, скажем только, что вёл шарик Марку Богатея тем же путём, что и парня.

Дошёл Марку Богатей до хаты при дороге, завернул в неё. И увидел то же, что парень видел. Сидит человек над полной миской, дырявой ложкой черпает, до рта ничего не доносит.

— Чего стараешься, — говорит Марку Богатей, — всё равно не наешься такой ложкой. Вот у меня ложка так ложка!

Вытащил он из-за голенища свою ложку, да не голодному её отдал, а сам к миске потянулся.

— Садись, прохожий, — говорит хозяин хаты, — может, хоть ты наешься.

Стали они вместе хлебать. И вот чудо! Обе ложки целы. Скоро выхлебали они всю миску. Марку черпает — только по дну скребёт. А тот, у кого дырявая ложка была, что ни черпнёт, всё ложка полная.

«Э, — думает Марку, — эта ложка непростая. Век с ней сыт будешь!»

Подождал он, пока хозяин наелся и в сторону отвернулся, да и подменил ложки. Свою ему оставил, хозяйскую ложку себе взял. А хозяин говорит:

— Зачем таишься? Я тебе и без утайки её дарю.

Марку Богатею не то стыдно стало, не то испугался он, что хозяин передумает, только попрощался быстренько и пошёл.

К ночи остановился шарик. И Марку Богатей остановился. Разжёг костёр, сварил себе похлёбку и стал хлебать. А ложка-то дырявая! Всю ночь хлебал Марку Богатей, да так голодным и пустился утром в путь.

Хотел он вернуться к той хате, ложки опять обменять, но не идут назад ноги. Шарик вперёд ведёт Марку Богатея.

Дошёл Марку Богатей до солдата у развилки трёх дорог.

— Стой! — кричит солдат и ружьё на изготовку взял.

— Кому это ты приказываешь? — рассердился Марку Богатей. — Да ты знаешь, что я сам Марку Богатей? Такими богатыми владею, какие тебе и не снились.

— Что богатство! — отвечает солдат. — Моё ружьё сильнее. Коли я не захочу, ты меня богатством не купишь. А коли ты не захочешь, я тебя моим ружьём заставить могу.

— А ведь и правда, — сказал Марку Богатей. — Дай-ка, служивый, я на твоё место стану, твоё ружьё подержу. Узнаю, каково иметь силу ещё бóльшую, чем моя.

Ну солдат, понятное дело, ружьё ему с радостью отдал.

Схватил Марку ружьё, стал перед будкой, да там навеки и остался.

А солдат пошёл по дороге к родному дому, весело распевая во всю глотку.

Как сказал старик, что Марку Богатей дорогой свою судьбу узнает, так и сделалось.

Лето или зима, весна или осень — стоит Марку Богатей на развилке трёх дорог, с места сойти не может.

Пекло его солнцем, поливало дождём, обвевало ветром, пока не превратился Марку Богатей в иссохшее дерево. Спилили его как-то проезжие люди, один пень торчать остался.

А что же наш парень? Прожил он свою жизнь с милой женой себе на счастье, людям на радость. Со всеми он делился, на всех хватало и детям его досталось.

СОДЕРЖАНИЕ

Шперлэ-уголёк	5
Мать Стефана	17
Стефан и старый воин	21
Старая собака	24
Гордая царевна	31
Доброе сердце	36
Железный волк	42
Царь птиц	52
Как Фэт-Фрумос солнце освободил	56
Беда учит	70
Батрак и барин	73
Кукушкино имя	76
Илиеш Мэлэш	79
Пэкалы и его братья	89
Пэкалы встречается с Тэндалы	92
Пэкалы спасает Тэндалы от виселицы	94
Как Пэкалы служил у попа	96
Кырмаза	99
Горшок с золотом	114
Паук и пчела	119
Барин и повар	122
Марку Богатей	125

Серия: Дар Речи

Литературно-художественное издание

СКАЗКИ ИЗ ОДНОЙ СВЯЗКИ

Молдавские народные сказки

Составитель и переводчик Фейла Вольфовна Миренер

Художник Николай Михайлович Кочергин

Главный редактор *О. Юрченко*

Ведущий редактор *Т. Леонтьева*

Главный художник *П. Борозенец*

Корректор *Т. Малевич*

Технический редактор *М. Лебедева*

Генеральный директор *А. Янковский*

Подписано в печать 10.03.2017 г. Формат 70×100¹/₁₆

Печ. л. 16. Тираж 5500 экз. Заказ № 113922/3

ООО «Издательство «Речь»»

199178, Санкт-Петербург, а/я 96, «Издательство «Речь»»

Тел.: (812) 323-90-63, rech-edit@mail.ru

Представительство в Москве: тел.: (495) 621-55-97

www.rech-deti.ru

Отпечатано в типографии «PNB Print», Латвия

www.pnbprint.eu

6+

6+

9 785926 825173